

Офицерский
*Честно
и смело*
роман

*Тимур
Максютов*

Спасти космонавта

Тимур Ясавеевич Максютов

Спасти космонавта

Серия «Офицерский роман. Честь имею»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34347639
Спасти космонавта: Вече; Москва; 2017
ISBN 978-5-4444-8953-6

Аннотация

Роман петербургского писателя Тимура Максютова набит лихими эпизодами так же туго, как диск славного автомата ППШ – разнообразными патронами. Противоречивые, трагические и комические события эпохи перемен – конца 80-х годов прошлого века – затягивают в свою воронку юного лейтенанта Марата Тагирова. Отправленный в глухой монгольский гарнизон, он вдруг оказывается в эпицентре соперничества разведок сверхдержав и других странных происшествий. Молодой офицер теряет бойцов, обретает друзей, обнаруживает труп младенца, ловит диверсантов... И вот однажды враги покушаются на жизнь первого монгольского космонавта. Кто же спасёт звёздного путешественника?

Содержание

Пролог	5
Глава первая. Культурный шок	13
Глава вторая. В начале славных дел	47
Глава третья. И всё терялось в снежной мгле	105
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Тимур Максютов

Спасти космонавта

© Максютов Т.Я., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

* * *

Роман основан на нереальных событиях, приснившихся автору весенней гулкой ранью. Любые совпадения имён и названий случайны, дураку ничего не скажут, умного позабавят. А срок подписки о неразглашении давно истёк. Так что – обломись, мой суровый куратор.

*Степь – это не океан. Степь понятна и надёжна. На предательской поверхности океана не поставишь юрту и не сможешь пасти баранов. В чёрных мокрых глубинах обитают страшные чудовища; океан переменчив и непредсказуем. Но он солёный, как твоя кровь, твой пот и твои слёзы. И, только стоя на его берегу, ты сможешь когда-нибудь увидеть Зелёный Парус.
Из откровений Бхогта-ламы*

Пролог

Такие цвета здесь бывают только в мае, и то недели две, не больше.

Густо-синее небо. Безупречное, ни единого белого комочка. Опрокинутое над вкусно-изумрудной степью, покрытой новорождённой травой длиной в женский ноготь.

Ольга Андреевна с удовольствием вступила босыми ногами в нагретый солнцем янтарный квадрат паркета. Отдернула тюлевую занавеску, скрипнув кольцами по проволоке. Надавила узкой ладонью на ручку балконной двери; открыла, впустив в комнату непривычно чистый, без единой пылинки, сквознячок.

Совсем немного дней пройдёт, и беспощадное монгольское солнце убьёт зелень, превратив её в грязно-жёлтый пыльный ковёр. Сводящий с ума вечный ветер пустыни Гоби будет гонять мутные клубы, покрывая мелким серым прахом всё вокруг.

А небо выгорит до рвотно-блёклого оттенка старых сатиновых трусов.

Сзади раздался зевок и противный скребущий звук. Лёгкое воздушное настроение мгновенно сгнуло.

Ольга оглянулась и поморщилась.

– Коля! Ну, сколько тебя просить! Не чеши свои... причиндалы свои. При мне.

– Отставить нытьё. Подумаешь, какие мы нежные – муж хозяйство при них чешет. Иди лучше борщу согрей, я жрать хочу. И балкон закрой, дура, пылица же налетит.

– Подожди немножко. Помнишь, ты только майора получил... В семьдесят восьмом году? А, не важно. Мы в санаторий поехали, в Адлер. Чемоданы даже не стали заносить, побежали на берег. Было утро, такое свежее! И море. Синее-синее. Вот подойди, погляди – небо сейчас такого же цвета, как тогда море. Прямо дежавю какое-то. И ты меня ещё тогда обнял, так нежно. И сказал...

– Слушай, хватить трындеть, а? Жрать, говорю, давай.

Ольга Андреевна с грохотом захлопнула балконную дверь. Стремительно пронеслась на кухню, давя подкатывающие к горлу слёзы и стараясь не слушать доносящееся вслед шуршание газеты и злобное бормотание:

– Это ж надо, слов каких нахваталась – «дежавю»! Ёрш твою! Графиня, понимаешь...

* * *

Дорогой друг!

Извини, что мешаю тебе продолжать чтение. Ты удобно устроился (или «устроилась»? Ах, тогда тем более нет мне прощения, но я всё же рассчитываю на твоё снисхождение, прелестная незнакомка!) в кресле или на любимом, продавленном непосредственно под

твоё туловище диване... А может, тебя болтает сейчас в вагоне метро и ты одной рукой держишься за отполированную миллионами ладоней стальную трубу, а другая служит пюпитром для этой книги. Тебя раскачивает вместе с плотно прижатыми давкой соседями, глаза ловят прыгающие строчки, ни одна сволочь не уступит место, тебе и так нелегко. Ты уже настроился на роман, ты предвкушаешь удовольствие (а как же?!), и тут бесцеремонно встречаю я и отвлекаю тебя от начатого процесса. Но я имею на это право! Я на всякий случай этот опус написал.

Просто хочу рассказать тебе одну обыкновенную историю, пока не забыл. Она не имеет никакого отношения к сюжету данной книги, в ней не содержится второго дна (я подозреваю, что у этого произведения и с первым-то дном напряжёнка, и вместо финала у него – вообще обрыв. Но не буду забежать вперёд) или многозначительных намёков, а вот – поди ж ты! – хочу её тебе поведать. Не сердись, не считай меня треплом или каким-то любителем обломов. Прости меня и немножко потерпи. Пожалуйста!

Жил-был на свете один генерал. И даже не просто генерал, а генерал-лейтенант. Злые языки утверждают, что он прямо так и вылунился в реальность – в расшитом золотом мундире, с двойными широкими красными полосами лампас на штанах, такого же цвета самоуверенной мордой и ничем не ограниченным хамством. Некоторые

романтики и гуманисты робко надеются, будто у него когда-то была юность, а может, даже детство (отрочества у него точно не было – вы можете представить себе прыщавого генерала, измученного поллюцией? Я – не могу). У меня нет на этот счёт однозначного мнения, поэтому первую часть биографии генерала оставим за кадром.

И совершенно не важно, какая у него была фамилия. Все его помнят по прозвищу как Фотографа. Необычное прозвище для военачальника, не правда ли? Но абсолютно верно отражающее суть данного субъекта.

Несмотря на бесконечные тайные и явные войны, выпавшие на долю нашего Отечества, генерал не имел боевого опыта. Вышестоящие начальники просто не посылали его в районы боевых действий. Клеветники ехидно замечают, что это происходило по причине непроходимой тупости генерала, а также отсутствия у него тактического, стратегического или ещё какого известного науке вида человеческого мышления. Но я уверен, что заоблачных высот руководители слишком ценили Фотографа и не рисковали им из-за такой мелочи, как война.

Потому что не было этому генералу равных в искусстве драть, метать громы и молнии, показывать кузькину мать и всяческими иными способами приводить несчастных подчинённых в изумление. Как только в некоем Н-ском полку происходило едва заметное снижение воинской дисциплины или даже

только намёк на возможное таковое снижение в будущем, там немедленно оказывался Фотограф. Немедленно! Мне даже кажется, что он всегда находился неподалеку от ВСЕХ воинских частей страны одновременно, но я понимаю, что сие невозможно по причине несоответствия законам физики.

Хотя... Что такое какие-то там преходящие законы мироздания в череде сменяющих друг друга взрывающихся Вселенных по сравнению с вечностью Воинской Дисциплины? Мелочь, глупость, пылинка на блестящем хромовом голенище.

Итак, генерал подъезжал на чёрной «Волге» к контрольно-пропускному пункту Н-ского полка и начинал орать. Первым делом он всех снимал. Сначала снимал с наряда дежурного по этому самому КПП; потом, пройдя на территорию, снимал с должности первого встреченного командира роты, потом снимал погоны с любого подвернувшегося майора. Потом снимал с командира бедного Н-ского полка ранее наложенное взыскание и немедленно вешал на него другое взыскание, гораздо более тяжкое... Ну и так далее. Через час все офицеры и прапорицки, не успевшие спрятаться в каптёрке своей казармы, оказывались откуда-нибудь снятыми. За это пристрастие к съёмкам его и называли Фотографом. Мне думается, что он втайне мечтал достичь скорости 24 съятия в секунду и заслужить тем самым бессмертного определения «Кинооператор», но малая плотность

жертв в погонах на квадратный метр воинской части не позволяла добиться такого уникального со всех сторон результата.

Весь этот роковой час генерал орал не переставая. Мне лично, тогда гвардии старшему лейтенанту, приходилось отпаивать техническим спиртом пострадавших в очередном стихийном бедствии и деликатно расспрашивать дрожащих, плачущих от ужаса людей, но никто из них не мог дословно вспомнить, какие именно сентенции изрыгал Фотограф, – пережитый шок начисто отбивал память. Рассказывают, что один отчаянный прапорщик, начальник радиоузла, записал крики генерала на портативный кассетный магнитофон «Легенда-404». Запершись в своем кабинете и выпив для ясности восприятия полстакана, он включил плёнку и услышал первые сакральные вопли Фотографа:

– Какие, тля, бордюры! А где поребрики?! Кто так траву красит, если картошка не чищена?! Как вы тут материалы съезда КПСС читаете, с растёгнутой пуговицей!..

Никто в точности не знает, что произошло впоследствии. Совершенно седой прапорщик был обнаружен утром дежурным по полку. Всё выглядело так, будто выломавшая крышку «Легенды» кассета выстрелила в прапорщика узкой магнитной плёнкой, крепко примотавшей бедолагу к стулу. Хищной коричневой ленте чуть-чуть не хватило метража, чтобы дотянуться до горла и задушить храбреца

насмерть. Абсолютно белые, без зрачков, глаза уставились на дежурного, серые губы прошипели:

– Чур меня, чур! Быти сему городу пусту, быти сей стране в огне, покуда не явится Скрепер! Чур-чур-чуров, чур вас всех! Выше, ниже – журавля вижусу! Хохол на башке, паразиты в кишке! А там быти погибели и без пламени!

Но эта мрачная и таинственная история никак не повлияла на карьеру Фотографа, которого, наоборот, забрали на повышение в Москву. Перед ним распахивались великолепные перспективы, однако не ко времени грянул путч в августе 1991 года, который генерал, естественно, поддержал. В самый разгар событий он храбро, в одиночку, вышел перед веселой грохочущей толпой с трёхцветными флагами и, выкатив глаза, зарывал:

– Р-р-разой-дись! Р-р-разорю!

Толпа захохотала совершенно уже нагло, а приблизившийся щупленький студент-очкарик сочувственно спросил:

– У вас всё в порядке, дяденька? Может, помочь чем?

Генерал растерялся, ощупал лампасы (на месте!), потом снял и осмотрел фуражку (в порядке), по очереди скосил глаза на погоны – вышитые золотой нитью звёзды никуда не делись. Уверенность вернулась, распёрла широкую генеральскую грудь, и он, набрав побольше воздуха, привычно заорал:

– Я вас снимаю! Всех! Снимаю!

И тут началось чистое светопреставление. Лица,

флаги, разноцветные болоньевые куртки соединились в какой-то гогочущий, невозможно наглый хоровод, весело выкрикивающий крамольные слова:

– Ха-ха-ха! Это ж Фотограф! Демпрессе – привет, где мундир раздобыл?

– Все улыбнитесь и скажите «сы-ы-р», нас снимают!

– Дедуля, давай к нам, нам только клоуна не хватает для всеобщей радости!

Генерал тихо повернулся, побрёл по лужам, не разбирая пути. Дошел до здания Министерства обороны, махнул пропуском перед носом напуганного уличным шумом солдата из охраны. Поднялся в кабинет. Сел за широкий, как страна моя родная, стол.

И умер.

Глава первая. Культурный шок

Вентилятор гудел пожилым шмелём, безрезультатно перемешивая горячий пыльный воздух затхлого кабинета. Жаркий монгольский август восемьдесят восьмого года никак не кончался.

Начальник кадров политотдела армии потянулся, хрустнул затекшей шеей. Потёр переносицу с красным шрамиком от дужки очков, устало вздохнул. Денёк выдался нелегкий – с утра, как на нерест, шли бирюзовым потоком молодые лейтенанты в золотых крылышках погон. Пришло время выпускников военно-политических училищ, и каждого надо было отсортировать, пристроить в нужную клеточку – вакансию. Не забывая при этом о просьбах друзей из гарнизонов («Петрович, ты уж мне подбери сопляка получше, а за мной не заржавеет») и – главное! – прямых указаний по поводу «блатных».

Одного такого капризулю «с волосатой лапой» только что удалось впихнуть на непыльную должность в дом офицеров, хотя барчук не оценил усилий и ныл, что «он не клоун, на концертах кривляться». А хочет он в редакцию армейской газеты, потому что чувствует в себе небывалый талант и тягу к журналистской славе.

Полковнику даже пришлось построжать голосом и справедливо заметить, что лейтенант на Мурзилку похож ещё

меньше, чем на клоуна, так что придётся начать карьеру в гарнизонном храме культуры. А заметки тискать в газету там ему никто не помешает, так что и мировая писательская популярность никуда от него не денется. Повеселевший генеральский сыночек отправился в штабной узел связи, чтобы, вопреки всем правилам, сообщить в Москву папе по недоступному простым смертным прямому каналу о первом офицерском назначении.

Кадровик брезгливо обнаружил погибающую в остатках холодного чая синюю муху, отставил стакан. И сипло крикнул:

– Следующий! Есть ещё кто?

Дверь застенчиво открылась, в кабинет проник юный офицер, сияющий пуговицами на новеньком мундире.

– Товарищ полковник, курсант... ой... виноват. Лейтенант Тагиров прибыл для дальнейшего прохождения службы.

Начальник хмыкнул. Унижение, недавно испытанное при распределении «позвонкового» салаги, требовало немедленной компенсации. Худющий чернявый лейтенантик отлично подходил для этой роли.

– Курсант, ты. Зелень травяная. Садись, летёха. Посмотрим, что тут для тебя есть.

Густо покрасневший Марат присел на заскрипевший разбитый стул и замер в ожидании.

Полковник раскрыл личное дело в желтой картонной об-

ложке. Почитал, продолжая скептически похмыкивать.

– Ишь ты, красный диплом, золотая медаль... А чего в Забайкальский округ тогда рапорт написал? Ехал бы себе в Германию служить.

– Я решил сначала куда потруднее, товарищ полковник. Кадровик мелко захихикал.

– Значит, имеем в наличии идеалиста, хи-хи-хи. Ничего, тут тебе быстро мозги вправят, научат Родину любить. Куда бы тебя подальше-то... Поедешь в Чойр, на армейскую ремонтную базу. Поезд туда днём, двенадцать часов – и ты на месте. Иди в третий кабинет, получишь предписание и тугрики на билет. Свободен, романтик, хи-хи-хи.

* * *

Сначала надо долго пить чай с молоком и молчать при этом. Громко глотать и отдуваться – признак хорошего тона. Женщина принесла пиалу с обжигающим подсоленным напитком, поклонилась, подала двумя руками. Приезжий из Чойренского аймака¹ уважительно принял посуду тоже двумя руками, поглядел на плавающие по желтой поверхности пятна жира и приступил к процессу.

А зачем торопиться? Пусть европейцы суетятся, размахивают руками и бегут куда-то. Их надо пожалеть, несчаст-

¹ Аймак – административная единица Монголии, район.

ных. За ежедневными хлопотами бестолковая жизнь пролетает мгновенно и никчемно. Потомки Чингисхана не спешат, поэтому никогда не опаздывают. Время – это не маленькая точка для ничего не значащей встречи. Время – это плавный речной поток. Как только твой конь сделал первый шаг на пути – ты уже, считай, приехал в конечный пункт. А когда именно это произойдёт, совершенно не важно.

Жители просторов Гоби смотрят на мир прищурившись, чтобы он не смог сразу весь ворваться в мозг и внести смятение в душу. Вселенную надо потреблять постепенно, небольшими глотками, чтобы не обжечь нутро. И тогда ты сможешь понять её истинную суть, смысл движения звёзд и язык степного ветра.

Потом женщина принесла водку в фарфоровых стопках, первому подала владельцу дома, что в Улан-Баторе. Старик окунул в ёмкость безымянный палец. Трижды сбрызнул в сторону юга – в знак почтения к духам огня. Потом свою долю уважения получили воздух, вода и умершие предки.

И только тогда, после первого глотка согревающей и бодрящей дух крепкой жидкости, можно начинать разговор. Сначала надо поинтересоваться, здоров ли собеседник, благополучны ли его родные, в порядке ли скот – крепкие кони, терпеливые верблюды, несмышлёные овцы...

Да, именно так! И совершенно не важно, что нет у гостя из Чойра никакой скотины. Если не считать начальства. А вместо верблюда или коня давно уже используется что-ни-

будь с мотором.

Учитель наконец покончил с ритуалом и заговорил о настоящем:

– Мир меняется. Но сейчас он вообще похож на облако, которое гонит ветер. Облако, которое само не понимает, каким оно будет через мгновение, какую форму и цвет обретёт.

Гость склонил голову в знак признания мудрости, а про себя подумал: «Достал уже дедушка своими сказками, скорее бы к делу переходил». Старик будто услышал его и сказал главное:

– Словом, скоро Советскому Союзу кранты. В смысле конец.

– Это... Это откуда такие сведения? – ошарашенно спросил чойренец.

– Оттуда, – Учитель показал скрюченным подагрой пальцем вверх.

Гость осторожно взглянул на покрытый трещинами, давно некрашенный потолок и шепотом уточнил:

– В смысле в Центральном Комитете Монгольской народно-революционной партии такие мысли бродят?

– Тьфу на тебя, – разозлился хозяин, – да и на твоих коммуняк заодно. Это расшифрованное откровение преподобного Бхогта-ламы. Видел он камень белый, который не смог смыть коричневый поток, не сумела разбить звёздная, в полосу, молния. Но монолит сам вот взял, крикнул и рассыпался на пятнадцать частей. Так что всё, два-три года мак-

симум.

– И когда этот... Бэ-э-б-хогта-лама такое сказал?

Хозяин не на шутку рассердился:

– Идиота кусок! Дурак тебя понюхал! Это в университете тебя так учили? Любому школьнику известно, что Бхогта-лама ещё не родился.

– А как тогда... Ладно. – Гость предпочёл сменить тему. – И что теперь, америкосы всех подомнут?

Старик пожал плечами.

– А нам без разницы. Сейчас, впервые за много веков, у Монголии есть шанс обрести настоящую независимость. Не прыгать из феодализма в социализм, минуя капитализм, под присмотром московских товарищей. И не кормить вечно голодных китайских оккупантов. А жить своим умом. Но тут надо постараться, чтобы северные соседи поскорее ушли, а южные не успели занять их место. Сначала поссорить, потом помирить. Подобно мудрой обезьяне на дереве, которая сверху смотрит на драку львицы и тигрицы, швыряя в них орехи. А потом, когда могучие хищницы устанут, медленно-медленно спускается вниз и всех...

Учитель так энергично жестами изобразил, как именно должен поступить обезьян, что у гостя сам собой отпал вопрос, почему женщина-прислужница моложе хозяина лет на сорок.

– Я всё понял, Учитель, – чойренец склонил голову на этот раз совершенно искренне, – разрешите приступать?

– Да погоди ты, торопыга. Быстро только крысы ложатся. Пекинцы все силы приложат, чтобы подставить советских. У них же есть агентура на Чойренской советской рембазе? Должна быть, обязательно. Будут человеческие жертвы, без них никак. Но ни китайцы, ни русские не смогут одержать верх в этой схватке. Победителем должен стать наш народ. В другом откровении Бхогта-ламы сказано, что явится в твой аймак Посланник Океана и поможет осуществлению плана.

– Ничего не понимаю, – растерянно сказал гость, – про-рицатель и о наших проблемах знал? Рассказывал о Чойре? О нашем ближайшем будущем?

Старик недовольно покачал головой:

– Когда же ты поймёшь, что обо всём, что произойдёт в мире, давно сказано. Надо лишь уметь слушать шёпот звёзд и журчание Млечного Пути, несущего вкусное молоко небесному верблюжонку.

Окончательно сбитый с толку, чойренец почесал тонкую переносицу. Всё-таки набрался смелости, спросил:

– А вот про морского посла я не понял... У нас же в Монголии моря нет! Откуда он возьмётся?

– Я сказал – «Посланник Океана»! – раздражённо рявкнул Учитель. – Что непонятно?!

– Если честно – всё, – тихо сказал гость.

– Значит, не пришло твоё время понять, – внезапно успокоился старик. – А придёт тогда, когда назначено высшим планом. Кстати, о планах. Словом, покумекай, набросай про-

грамму своих действий, утверди у меня. Не забудь, что в трёх экземплярах.

— Ага, понял. А ещё два экземпляра кому? — почему-то шепотом спросил гость.

— Туда. — Старик потыкал пальцем в потолок. — И туда, — показал им же в пол.

Чойренец охнул и почувствовал, как ужас ледяным скорпионом карабкается по позвоночнику.

* * *

От штаба до центра Улан-Батора Марат добирался на рейсовом автобусе. Аборигены доставили массу разнообразных впечатлений, пугая специфическими запахами и оглушительно громкой речью с непередаваемыми горловыми звукосочетаниями типа «грх» и «жгрд». Удивляла и странная привычка скапливаться многоголовым клубком в одном углу транспортного средства, чтобы на остановках выдираться из него с гоготом и криками. И в последний момент вываливаться на улицу, обдирая локти и колени о захлопывающиеся створки дверей.

Зато налицо было преимущество принятых у местных халатов перед пиджаками и плащами — пуговицы в такой давке не обрывались по причине их банального отсутствия.

Тагиров с облегчением вырвался из автобуса на остановке «Площадь Сухэ-Батора» и огляделся.

Ветер гнал по каменным плитам просторной площади разнокалиберный мусор. Мавзолей из серого и красного мрамора был копией того, что стоит в Москве. Лейтенант сориентировался и двинул к центральному универмагу «Дэлгур».

Походил по полупустым этажам, присмотрел сувениры – глиняные, ярко раскрашенные маски кривляющихся злобных буддистских духов. Решил, что обязательно купит младшей сестренке кожаную куртку, когда поедет в отпуск, – в Союзе таких не достать. И погрустнел – до первого отпуска было ещё невероятно далеко...

Погулял по городу, случайно набрёл на большой книжный магазин. Зашел внутрь и ошеломлен, раскрыв рот и даже не пытаясь собрать в кучу разбежавшиеся глаза...

Милый читатель, счастливый житель третьего тысячелетия! Способен ли ты себе представить, какой жуткий печатный голод царил в Советском Союзе? Можешь ли ты вообразить, что мы переплачивали книжным спекулянтам и в пять, и в пятьдесят раз? Как мы рыскали по букинистическим магазинам! Как мы всей страной собирали макулатуру – вплоть до использованных трамвайных билетов и серой оберточной бумаги из-под развесной селедки! Чтобы потом, протаскивая в руках через полгорода тяжеленные пачки и отстояв невероятную очередь, обменять вторсырьё на заветные разноцветные талончики, по которым потом можно было купить в магазине чудесные, желанные книги. Запах новеньких, в плотных обложках, томов был самым прекрасным на свете! Так

пахнет кожа любимой. Или играющий пылинками солнечный лучик...

Ошарашенный Марат стоял посреди торгового зала. На полках теснились вожаденный Валентин Пикуль и царственный Морис Дрюон, захватывающий Жюль Верн и романтический Стендаль...

Тома «Всемирной литературы» и толстые, в мягких обложках, «Классики и современники» из дефицитнейшей серии...

Без очередей! Без талонов!

Тагиров горько вздохнул. Денег было в обрез, только на дорогу, да и неизвестно, когда выдадут аванс в новой части.

Расстроенный, вышел на улицу. Закурил.

Сбоку, воровато оглядываясь, подошел абориген и заговорщически зашептал:

– Кампан², кухан надо? Хороший кухан! Дешевый, сорок тогрог всего!

Марат наморщил лоб. Что же он имеет в виду? А, это книжный жучок-барыга и предлагает, видимо, роман Юрия Тынянова «Кюхля» про друга Пушкина Вильгельма Кюхельбекера! Произведение классное, но дорого что-то. Хотя денег всё равно нет...

Стараясь выглядеть максимально солидно, Тагиров кашлянул и объяснил:

– Друг, что же ты так много заряжаешь – сорок тугриков?

² Кампан – товарищ (монг.).

Вон, в магазине, трёхтомник «Хождения по мукам» Толстого – двадцать восемь только!

Монгол непонимающе вылупилсЯ и схватил лейтенанта за рукав:

– Почему толстый?! Хороший кухан, молодой!

Марат отмахнулся и пошел к вокзалу.

* * *

Лейтенант протомился на вокзале у окошка кассы добрый час. Оно было закрыто без всяких объяснений. Наконец дождался жующую кассиршу, получил билет в третий плацкартный вагон и пошел в буфет чего-нибудь перекусить. Однако загадочные запахи и непривычный вид еды, густо усиженной жирно блестящими насекомыми, заставил бегом выскочить на улицу и быстренько забить рвотные позывы сигаретой.

Наконец, подали состав под посадку. Вдоль перрона метались толпы местных с мешками. Они бегали от вагона к вагону и что-то вопили. Солидные проводники, сплошь мужчины за сорок в белых нитяных перчатках, игнорировали просьбы и вопросы соплеменников, напоминая гордым окаменевшим видом памятники партийным деятелям.

Марат подивился экзотическому способу посадки и пошел искать свой плацкарт. И уже через пять минут очень захотел присоединиться к растерянной толпе.

После второго вагона шёл сразу седьмой. Потом четвертый, потом три подряд без номеров. Окончательно добил лейтенанта вагон под номером «ноль».

По платформе важно прогуливался какой-то железнодорожный начальник в сияющем нашивками и значками мундире. Он сквозь зубы что-то приказывал проводникам, и те меняли таблички с номерами вагонов на другие, такие же нелогичные, запутывая ситуацию ещё больше... Всё это походило на какую-то идиотскую игру, имеющую целью свести с ума несчастных пассажиров.

– Что, новенький, обалдеваешь потихоньку?

Сзади подошли два капитана-лётчика в выгоревшей форме. Марат обрадовался землякам больше, чем в раннем детстве Деду Морозу.

– Да вот, не могу свой вагон найти, номер «три».

– Подумаешь, задача. Отсчитывай от паровоза третий и садись.

– Так там номер «семь» висит!

– Фигня, поменяют. Нам тоже туда, пошли.

* * *

Капитаны оказались отличными ребятами. Угостили разведенным спиртом и терпеливо разъяснили Тагирову накопившиеся вопросы.

– Я не понимаю, зачем эта путаница с номерами вагонов?

– Да плюнь, местная специфика. Тутушный любой начальник, даже самый маленький, – это «дарга»³. Царь и Бог. Что хочет, то и творит. Ему надо свою власть показать. Думается, что этой инфекцией монголы и нашу страну заразили во времена ига.

– А питаться тут где? Я в вокзальном буфете чуть не наблевал на пирожки или как их там...

– Ты чего, самоубийца? Есть можно только в нашем общепите, армейском. И вообще поосторожней будь, контактируй с кампанами поменьше. Почаще руки мой. Тут дизентерию или холеру поймать легко. Даже бывает чума. Тарбаганы⁴, степные здоровенные сурки, её разносят. А уж желтуха – как насморк. Мы оба в Афгане отпахали – так там и то попроще с этим делом было.

Марат решился и рассказал про недоразумение с книжным спекулянтом. Лётчики ржали так, что пролили спирт из драгоценной фляжки.

– Ну ты зелёный, как три тугра (купюра в три тугрика была зеленого цвета, как и советская «трёшка»)! «Кухан» – это «женщина» по-монгольски. Сутенёр он был, бабу тебе предлагал. Это же надо – «Толстой»! Уморил, молодой...

За окном тащились пыльные однообразные пейзажи, по трансляции бесконечно тянулась соответствующая им заунывная песня. Поезд ехал медленно и, как казалось, каки-

³ Дарга – начальник (монг.).

⁴ Тарбаган – крупный монгольский сурок.

ми-то кругами. Захмелевший с непривычки Марат захихикал:

– Мне уже спьяну кажется, что состав никак дорогу не найдёт. Вот опять в окно наши же последние вагоны видно.

– Не бойсь, это не галлюцинация. Говорят, что тут рельсы китайцы укладывали, и платили им за километраж. Вот они и понарисовали кренделей, чтобы побольше заработать. Давай, летёха, выпьем за твой культурный шок! Чтобы не перешёл в кому, ха-ха-ха.

Опытные капитаны поучали:

– Из Союза надо везти наши рубли в крупных купюрах. Так-то больше тридцати рублей червонцами нельзя, а если сможешь через таможеню протащить «четвертаки», «полтинники» или «сотки» – монголы с руками оторвут, возьмут по курсу один к шести. А официальный курс – один к четырём. Так что навариться можно неслабо. Ещё они любую бытовую технику берут с удовольствием – холодильники, утюги. Но это если городские. У аратов, местных пастухов, электричества-то в юртах нету! Они вообще люди дикие, дети степей, гы-гы. За пару офицерских хромовых сапог ценой в двадцать семь рублей дают две-три лисьих шкуры, которые в Союзе можно потом рублей за триста загнать. Три месячных зарплаты инженера! Одно плохо – ножки у них маленькие, у мужиков максимум тридцать седьмой размер. А таких «хромачей» у нас на складах и не бывает. Любую кожу, мех можно домой везти. Контрабандный китайский речной жемчуг –

он дорогой, а спрятать легко, мало места занимает. Но вообще, конечно, опасное дело. Поймают наши таможенники – и песец, в двадцать четыре часа выкинут в Союз дослуживать, в дыру какую-нибудь. Если чего не похуже.

Марат не выдержал:

– Мужики! Ну как так можно! Вы же офицеры, а разговариваете как какие-нибудь прапорщики или торгаши-кооператоры, честное слово! А как же, это... Офицерская честь! Разве же мы Родину защищаем ради денег? Прямо стыдно вас слушать.

Капитаны переглянулись, расхохотались.

– Ну ты зелёный, как пенис лягушки. Мы же не предлагаем китайцам военные секреты продавать. Хотя они и так всё про нас знают. Ладно, ничего, повзрослеешь, семью заведёшь – сам поймешь, что крутиться надо.

– Нет, я не такой!

– Хорошо-хорошо, не такой. На, выпей лучше. Тимуровец, ёшкин кот.

Разговор продолжался под бескрайнюю монгольскую песню по радио.

– ...Прапорщик наш, бортмеханик – прожжённый, гад! В доме офицерского состава радиаторы меняли, так он одну выброшенную батарею кипятком залил и поехал монголам продавать. Говорит: смотрите, какая штука горячая! Будете в своей юрте зимой греться. Кампаны-то в городе бывали, видели в квартирах такие фиговины. Ну, и заплатили ему

достойно, поволокли свою берлогу украшать... Потом приезжают в гарнизон, перехватывают его на КПП. Мол, возвращай деньги, не греет твоя мандула. А он говорит: «Да вы, черти безрукие, её сломали! Сами виноваты». Так и ушли ни с чем, поехали батарею чинить...

– ...Бабы у них страшные, конечно. Но с голодухи и не на такую залезешь. А вообще насчёт секса всё очень просто, не комплексуют. Говорят, раньше в Монголии за изнасилование полгода давали, как за мелкое хулиганство. А вот в Улан-Баторе очень красивые девочки есть, из «семеновцев». Внучки тех казаков и белогвардейцев, кто в Монголию вместе с бароном Унгерном от большевиков сбежал. Вот у них одна мечта – замуж за советского выскочить. Чтобы потом в Союз всех родственников перетащить...

– ...С тоскидохнуть начинаешь. Ни деревца, ни цветочка. Стрекозки, пчёлки – никого, не за что глазу зацепиться, порадоваться. Регулярно из Китая тучи саранчи заносит – вот это трындец! Здоровенные, с огурец. Ковер такой шевелящийся, все вокруг покрывает. Идёшь по нему, а они шепуршат, под ногами с чавканьем лопаются – страх один!

– ...Местные ленивые – ужас. Камень на дороге лежит – так будет спотыкаться каждый день, но не сдвинет. Мол, не я положил – не мне его убирать. Грунт копать нельзя, у них даже на сапогах носки вверх загнуты, чтобы, не дай Бог, не потревожить сон земли. Ламаисты, словом. Хотя в чём-то им и позавидовать можно. Ко всему легко относятся: родился

человек – хорошо! Повод выпить. Умер человек – хорошо! Опять же повод накалдыриться. Судьба, мол, такая, а против судьбы не попрёшь.

– ...Однако по Союзу тоскуешь – сил нет. Скорее бы замена. Пять лет очень долго тянутся...

Так, под разговоры, и доехали до станции Чойр. Марат попрощался с вертолётчиками и поволок огромный фанерный чемодан «мечта оккупанта» на выход из вагона.

* * *

Тагиров растерянно стоял на перроне под чёрным монгольским небом, украшенном огромными звёздами. Куда идти, как до гарнизона доехать? Потом увидел качающуюся под единственным фонарем фигуру в офицерской фуражке и потащился с чемоданом к ней.

– Товарищ! Товарищ капитан! Как тут до рембазы добраться?

Небритый офицер с трудом сфокусировал взгляд на Марате.

– А! Ик... Летёха, ты кому заменщик?

– Я? Капитану Миронову вроде бы.

– Ик! Сука! Как долго я тебя ждал! Две тыщи дней и около того ночей! Я – Миронов! Неужто не видно?

Капитан вытащил из-за пазухи сигнальную ракету, с третьей попытки нащупал шнурок и дёрнул. Обалдевший Ма-

рат еле успел отшатнуться – чуть не опалив лицо, в небо с визгом унесся красный огненный шар.

– Пошли, салага. Я дежурную машину пригнал. В гарнизон поедем, отмечать будем, ик!

* * *

Ветру в монгольской степи привольно. Одетый в пыль, несётся он над ровным столом Гоби, облизывает невысокие холмы, силится оторвать от земли камни. Не сумев, злится, выцарапывает на известковых боках неглубокие борозды и летит дальше, путаясь в кудряшках редких овечьих стад и пытаясь забраться под кошму одинокой юрты арата. Не найдя прорехи, внимательно обследует всю поверхность кочевого жилища. Обнаруживает наконец-то отверстие в потолке; обрадованный (нашёл!), падает в тёплое душное нутро – и получает коварный удар снизу дымом и паром от очага, на котором вечно кипит вода для чая. Ошпаренный, выскакивает из юрты. Делает вид, что ничего не произошло, и вновь набирает скорость, припускает над бескрайней, как океан, пустыней. Он тут хозяин! И всё здесь – его собственность, от ловащего восходящий поток гордого орла до коротенькой, послушно кланяющейся ему пересохшей травы. Летит, подгоняя толстую коричневую саранчу, летит...

И разбивается о бетонный забор очередного советского гарнизона. Раздражённо перепрыгивает через препятствие и

бежит пересчитывать пятиэтажки домов офицерского состава. В Чойре их два десятка. И пара дюжин одноэтажных барачных, первыми построенных ещё в шестьдесят девятом году, когда из-за грозящего войной обострения с Китаем сюда пришли части 39-й армии. Обособленно – самодовольная офицерская гостиница, где есть даже генеральский люкс, весь в полированном дереве и красных коврах. Храм культуры – дом офицеров; школа, детсад, магазины и столовая; какие-то нужные будки с гудящими в темноте трансформаторами или запасами кумачовых плакатов и флагов к празднику...

А туземцам сюда вход строго воспрещён! Исключение делается только для официально приглашенных делегаций аймачного партийно-хозяйственного руководства, толпы толстых надменных дядек в неимоверно засаленных шляпах и ветхих галстуках под синими халатами на вате. Дядьки здороваются за руку с встречающими их старшими офицерами, важно кивают на приветствия, а сами косятся в сторону вожделенных советских магазинов и с плохо скрываемым нетерпением ждут, когда их поведут отовариваться. Там можно купить мыло, и консервы, и даже такие удивительные вещи, как фаянсовые чайники в фиолетовых цветах, а если повезёт – то и электроплитку.

Ещё право свободного круглосуточного входа на территорию городка имеет местный милицейский «дарга» – капитан Доржи. Он одет в потрепанный, пропыленный серый китель,

зимой – в аккуратно заштопанную кургузую шинель. У Доржи тёмное обветренное лицо, тонкий нос с горбинкой и всегда сжатые синеватые губы. Он гордо игнорирует магазины и столовую, весь этот мещанский тлен. Приезжает по делу – к гарнизонному военному прокурору, майору Пименову. Или в комендатуру, забирать очередного, пойманного патрулем, земляка.

А земляки, несмотря на все запреты и на строгого капитана Доржи, постоянно ищут и находят прорехи в бетонном периметре. Расползаются серыми тенями по городку, шустрят на помойках, собирают по офицерским квартирам пустые бутылки. Выносят поломанную мебель и брошенные ржавые железяки... Барыжат дефицитной монгольской водкой фабричного разлива, какими-то китайскими безделушками. Продают русским самопальные меховые шапки и криво пошитые куртки из плохо выделанных, вонючих, гремящих мездрой шкур волков, корсаков⁵ и тарбаганов.

И если не поймает патруль – топают, счастливые, десять километров по степи домой, до монгольского городка Сумбэр, столицы Чойренского аймака. Волоча на себе обломки покоцанных тумбочек, мешки с пустыми бутылками, а за пазухой халата – мятые комки грязных мелких купюр. А чего поделать? Надо крутиться. Монгольская жизнь даже на фоне скромного военного быта советского гарнизона – беспроектная нищета...

⁵ Корсак – степная лисица.

С высоты орлиного полёта Сумбэр выглядит как неаккуратная кучка засохших овечьих катышков вперемешку с серыми круглыми камешками. Грязные двухэтажные дома чередуются с юртами. Наши военные здесь не редкость, забредают от скуки, пока ждут поезда на расположенной рядом железнодорожной станции. Никто не обращает на них внимания, кроме любопытных местных мальчишек. Чумазы, одетые в перешитое и рваное, обутое в жуткую дрянь, а то и вовсе босые, они бегут на безопасном расстоянии и кричат в спину советским что-то обидное. Хохочут, скаля крепкие белые зубы, – единственное, что у них есть белого. Лучше никак не реагировать, а то могут и камнем засветить. Камнями пацаны умеют кидаться виртуозно.

Но на этот раз монгольских гаврошей не наблюдалось, и человек в советской военной форме проскочил в двухэтажку под номером «три» незамеченным. Без стука толкнул покосившуюся дверь, вошёл в квартиру. Поморщился от запаха кипящего молока и прогорклого жира.

– Я пришел, кампан, – сказал негромко, вглядываясь в полумрак.

Монгол выглянул из комнаты, кивнул. Сказал по-русски чисто, практически без акцента:

– Проходи, располагайся. Я сейчас.

Гость скептически поглядел на вытертый диван: вместо одной ножки были подложены обломки кирпичей. Решил не рисковать и осторожно присел на табуретку.

Хозяин ушел в соседнюю комнату, что-то сказал – ему ответил женский голос. Звякнула посуда, скрипнул ящик шкафа. Возился недолго, минуты три, вернулся и сел напротив, достал из кармана синих «треников» пачку тугриков. Начал пересчитывать, шевеля губами.

Гость молчал, безгласно разглядывая грязную растянутую майку на безволосой груди монгола. Тот заканчивал подсчёт:

– Ес зуун⁶, мянга⁷. Всё, тысяча. Забирай.

Русский схватил неровную пачку, спрятал во внутренний карман. Вскочил.

– Всё, спасибо, я пошёл.

– Да подожди ты, куда торопишься? Давай посидим, чаю выпьем. Или водки. Хочешь водки? Разговор есть.

Гость хмыкнул, сомневаясь. Присел обратно.

– Что за разговор? Чаю вашего не надо, потом блевать с него. И водки не хочу. Говори, давай, у меня времени нет.

– Эх, русские, неправильные вы люди. Надо посидеть, чаю выпить, помолчать. Только потом говорить. Куда спешите? Зачем?

Гость кашлянул и выразительно посмотрел на наручные часы. Хозяин вздохнул, покрутил головой. Продолжил разговор:

– Не надоело тебе мелочью заниматься?хлопот много, де-

⁶ Ес зуун – девятьсот (монг.).

⁷ Мянга – тысяча (монг.).

нег мало. Мыло, сапоги, тушенка – всё ерунда, даже если ящиками торговать.

– А что, есть другие предложения? – Гость обиженно поджал губу, его явно тяготил разговор и не терпелось уйти.

– Конечно, есть. Патроны нужны. Много. Цинк, лучше два.

– Ты того, кампан?! Это же... Это же хищение боеприпасов, тут выговором и высылкой в Союз не отделаешься. Лет на пять загреметь можно. Или больше. – Гость опять вскочил, попятился к двери. – Всё, на фиг. Ты не говорил, я не слышал. Ишь, патронов ему! В кого стрелять собрался?

Хозяин прикрыл и так узкие глаза и скучным голосом проронил, делая паузы между словами, чтобы лучше дошло:

– Двухкассетник. Японский. «Шарп». Новый. За два цинка патронов.

Гость замер. Вылупился, приоткрыв рот, непроизвольно теребя пальцами пуговицу кителя. «Жадный, – подумал хозяин. – Это хорошо». И продолжил так же тихо:

– А стрелять – в волков. Развелось волков, сил нет. Никакой жизни бедному монгольскому арату не стало. И гранат бы хорошо – вдруг на рыбалку пойду? Заплачу достойно, не обижу. Автоматы тоже интересны.

– Ты что, кампан, маленькую войну устроить собрался? Зачем всё это тебе?

– Времена тяжелые наступают, друг. Год, два пройдет – вы войска выведете. А советской власти у нас кирдык поти-

хоньку наступает, и у вас тоже. Тут, понимаешь, только на себя надеяться остаётся, а как без оружия? Ну, так что, будешь водку?

Русский вернулся на место, скрипнул табуреткой. Проглотил слюну, дёрнув кадыком, кивнул:

– Буду.

* * *

Первый день в офицерской карьере Тагирова напоминал барабанный магазин славного автомата ППШ – набит событиями туго, как жёлтыми нарядными патронами, а пролетел мгновенно, одной очередью в пять секунд.

Предшественник, капитан Миронов, совершенно наплеватьски отнёсся к важной процедуре передачи дел. Видимо, последние эмоциональные силы пожилой комсомолец потратил, когда вчера встретил салютом долгожданного заменщика на вокзале и привёз его в гарнизон, в свою загаженную квартиру, поэтому отключился практически сразу после первого содержательного тоста («Ну, будем!»).

Марат осторожно понюхал свой стакан, на треть наполненный мутной жидкостью отвратного вида и запаха, отставил в сторону. Посидел, отщипнул кусочек ноздреватого серого хлеба, пожевал. Капитан спал, сидя за захламленным столом, положив лысеющую потную голову на волосатые руки. Храпел, взрыкивал, чмокал губами.

Тагиров, не раздеваясь, лёг на продавленный диван. Подушку не нашел и положил вместо неё найденный в углу валежок.

Утром вскочил, попытался разбудить Миронова, но это было бесполезно: капитан только буркнул что-то матерно-неразборчивое, сбросил со стола обкусанную буханку хлеба и пару открытых консервных банок с чем-то засохшим и продолжил путешествие в страну Морфея.

Марат самостоятельно нашел офицерскую гостиницу, пристроил чемодан у вахтёрши. У неё же разузнал, что на рембазу в семь утра ходит автобус для офицеров, на который он уже опоздал. Так что придётся пешочком, но, мол, ноги молодые да длинные (при этих словах пожилая вахтёрша как-то странно, не по-служебному, улыбнулась), для них четыре километра – не расстояние.

– Тут не перепутаешь, юноша. Сначала мотострелковый полк пройдёшь, потом штаб дивизии. Потом ракетный дивизион, автобат, и уж почти в самом конце – ваша рембаза. Дальше вашего только один хлебозавод. В Китай не уйдёшь, не бойсь. Счастливо служить, лейтенант!

* * *

– Говоришь, Миронову, комсorghу батальона, заменщик? Дождлся, значит, страдалец, ха-ха-ха! Тот ещё клоун был. То на учениях пистолет потерял, всем составом искали. То

матерные частушки про замполита базы Дундука... ну, то есть полковника Сундукова Николая Александровича сочинил и по радиотрансляции на всё расположение части вопил. Как там?

Дежурный по базе, потёртый капитан, наморщил лоб и продекламировал:

Ах ты Коля, Коля-Николай,
Ерундою не болтай,
Ты – зануда и трепло,
Заряжу тебе в табло!

– Ну и дальше, в том же духе. Дундук аж позеленел, поднял наряд по штабу и побежал Миронова из радиорубки выковыривать.

Растерянного Марата продрал мороз, несмотря на жарыщу.

– Ничего себе! Как же так можно – про начальника, целого полковника?!

Бывалый сплюнул, сочувственно посмотрел на Тагирова:

– Молодой ты ещё. Дундук – скотина редкая. Так и норovit нагадить, стукачей развёл толпу. Всё подслушивает, вынюхивает. Как офицеры заменяются – он сразу сказывается больным, запирается у себя в хате.

– Зачем?

– А затем, что ребята на отвальной нажрут и идут его искать, чтобы морду набить. Если бы не жена его, Ольга Ан-

древна, так и дверь бы выломали. А её уважают все, не хотят расстраивать. Удивительных достоинств женщина. Такая вся... Эх!

Капитан попытался глазами, пальцами и вытянутыми в трубочку губами передать своё восхищение неведомой Ольгой Андреевной, но имеющиеся в его распоряжении художественные средства были явно недостаточны.

– Ну, короче, сам увидишь. Ладно, докуривай да иди к Дундуку представляться. Главное – не перечь, какую бы пургу он ни гнал. Ешь глазами и «Так точно!» вставляй.

Дежурный жалостливо глядел, как Марат дрожащими руками поправлял новенькую портупею и проверял, ровно ли сидит фуражка.

– Эх, худенький ты. Надолго тебя не хватит, сожрёт Дундук с говном. Не такие ломались и полгода не выдерживали. Да не суетись ты! Изнасилование в голову неизбежно. Иди уже, с Богом!

И капитан перекрестил Тагирова брякающим коробком спичек.

* * *

Марат всячески пытался идти помедленнее, но полутемный штабной коридор быстро кончился и неотвратно упёрся в дверь с грозной табличкой «Заместитель начальника базы по политической части полковник Сундуков Н.А.».

Лейтенант тихонько выдохнул и занес согнутые костяшки для деликатного стука. Из-за двери послышался противный голос с истерическими интонациями.

Тагиров замер и прислушался.

– От так от! И вы мне тут не надо! Чтобы была готова Ленинская комната к понедельнику. И пусть что казарма не построена. Солдату может быть негде спать, а почитать партийные труды должно быть где всегда! Что значит «А если по-русски читать не умеет?!» Научить! Вы там советский офицер или кем? Выполнить и доложить!

Трубка грохнула о телефонный аппарат. Марат вздохнул и постучал.

– Разрешите?

За столом сидел толстый полковник с нежно-розовой лысиной, резко отличающейся своим невинным цветом от загорелого мясистого лица (всё верно, лысина-то от солнца фуражкой прикрыта!). Мелкие глазки скользнули по Тагирову и опустились на стол. Марат сглотнул (главное – сразу не опозориться, курсантом не назваться!) и взметнул ладонь к околышу.

– Товарищ полковник, лейтенант Тагиров прибыл для дальнейшего прохождения службы!

Полковник продолжал не смотреть на Марата, отчего становилось очень неловко. Сложил газету «Правда», аккуратно положил на один край стола. Побарабанил сосисками пальцев. Раскрыл блокнот, начал в нём чиркать карандашом,

резко захлопнул. Схватил газету и положил на противоположный край.

Тагиров переминался с ноги на ногу. Время даже не ползло, а будто выдавливалось еле-еле, как густая смазка из танкового шприца. Кашлянул.

Полковник вспрял, тыкнул глазками.

– Кто здесь?

– Как же, доложил же... Я.

– Брусчатка от кремля!

Лейтенанту в голову ударила волна стыда, загорелась кожа на лице. Он догадался, что подставился, но не понял, где именно.

Полковник, несмотря на изрядные габариты, резво вскочил, завизжав стулом, подбежал к Марату.

– Ты! Никакой! Не лейтенант! Ты зародыш офицера, от так от! Тебя ещё драть и драть по ипатьевскому методу до морковкина загогого...венья! Пока ты станешь кем-то! Я тут что – усатый нянь? Сопляков людьми делать? Мне некогда, у меня вот партийная конференция под носом! Пришлют всякое дерьмо, а мне разгребать. Здравсте-приехали!

Тагирову казалось, что ему снится какой-то дурной, болезненный сон, и никак не удаётся взять себя в руки и сбросить это наваждение: бегающий вокруг грузный полковник, выкрикивающий пополам со слюнями бессмысленные, но очень обидные фразы. Нить размышлений замполита о его тяжелой судьбе воспитателя и никчемности данного кон-

кретного лейтенанта очень быстро сбилась в уродливый запутанный клубок и укатилась в угол.

Наконец Сундуков устал. Пыхтя, прошел к своему месту, уселся и аккуратно переложил газету на середину стола.

– От так от! Понял, летёха?

– Так точно, товарищ полковник!

– Ну вот и иди отсюда. И подумай, как будешь теперь с этим жить.

Ошарашенный Марат отдал честь, развернулся и покинул кабинет. В полной прострации вышел на штабное крыльцо, автоматически отобрал у дежурного горящую сигарету и глубоко затянулся.

Капитан сочувственно хмыкнул, молча достал ещё одну, прикурил. Покосился на лейтенанта.

– И чего он тебе сказал?

– Я... Не понял я.

– Ну, это нормально. Дундук – он и есть дундук. Не бойсь, летёха, офицером только первые двадцать пять лет тяжело, потом привыкаешь. Где остановился, пока в гостинице? Ну тебя, скорее всего, к холостякам поделят. Есть у нас одна весёлая квартирка, ха-ха. Вещи-то как допёр?

Марат вытер потный лоб. Соображение медленно возвращалось в голову.

– А? Да я зимнюю форму багажом отправил. С собой только чемодан с конспектами.

– Чего?! С чем чемодан, говоришь?

– Ну как же, с лекциями. Из училища.

– Ха-ха-ха! Слушай, ты никому не говори тут, что вместо водки из Союза книжки с тетрадками тащил. Засмеют насмерть. Давай, летёха, удачи. Вон туда иди. Видишь казармы? Твой батальон по ремонту ракетно-артиллерийского вооружения.

Тагиров кивнул и отправился в сторону аккуратно побеленных одноэтажных зданий барачного вида.

* * *

Командир батальона Юрий Николаевич имел весьма интеллигентный вид, а речь его после перлов Сундукова нежно ласкала барабанные перепонки и гладила воспалившиеся мозговые оболочки.

– У нас, голубчик, специфика. Занимаемся серьезными техническими вещами – ремонтом и обслуживанием всего спектра вооружения, от минометов до ракет. Для начала, будьте любезны, пройдите к начальнику штаба батальона майору Морозову.

Романа Сергеевича Морозова в батальоне любили. Был он дядькой строгим и справедливым, своих начальникам не выдавал – драл самостоятельно. Великолепная выправка, будто вытесанное из камня лицо, холодные серые глаза – хоть сейчас на плакат «эталонный образец советского офицера». Роман Сергеевич ошарашил Тагирова сразу:

– А, комсомол! Сколько зенитных самоходных установок «Шилка» отремонтировал?

– Как это... Товарищ майор, я вообще-то политработник.

– Так и запишем – «нисколько». Давай, лейтенант, назови мне порядок регламентных работ на «Луне».

Растерянный Марат пробормотал:

– Я, конечно, знаю основные характеристики тактического ракетного комплекса «Луна», но работы чтобы...

– Ладно, молодой, не пугайся. Я тебе просто сразу даю понять: ты в нашем благородном ремонтном деле бесполезный балласт. Поэтому будешь загружен максимально работой с солдатами. С личным составом ведь как? Озадачь его, иначе он озадачит тебя. Ну и наряды, само собой. Семьи ведь нет пока? Значит, не фиг дома болтаться, твой дом – казарма, гы-гы. Ну а уж ответственным на выходные по батальону – святое дело.

– Так я ведь всегда готов, как пионер, товарищ майор.

– Ну вот и славненько. Садись, чайку выпьем. Знаешь, как командование батальона в баню ходило? Как нет?! Вот смотри, раздеваются они и заходят, смотрят друг на друга удивлённо: у начштаба – уд по колено, у зама по технической части – руки по колено, а у замполита – язык по колено, ха-ха-ха!

В дверь поскреблись.

– Товарищ майор, разрешите?

В кабинет вошёл блондинистый лейтенант. В руках он

торжественно, как именинный торт, нёс облезлую фуражку. На тулье были жирно написаны от руки две буквы – «Д» и «Ж». Краснов заржал.

– Что, дождался часа освобождения, Воробей?

– Так точно, товарищ майор. Разрешите вручить?

– Валяй.

Лейтенант подошёл к изумлённому Марату и напялил ему на голову нелепую фуражку. Потом пожал руку и заявил:

– Пост «дэзэ» батальона сдал! Ну, чего молчишь, салага? Говори, что принял.

– Это... Чего принял-то? И потом, сам ты салага.

– Э-э, не скажи. Я тут уже два года. Это – важный символ. Теперь твоя очередь исполнять обязанности «дежурной задницы», понял? Крайнего за всё, яко ты самый молодой офицер теперь в батальоне, гы-гы! То есть: вечно дежурного, постоянно ответственного, первого кандидата в командировку. Что там ещё? Да! Военного дознавателя и ещё всякая ерунда, по мелочи. Так положено. Ну, чего, молчать будем?

Марат вздохнул.

– Ладно. Положено – значит, так и быть. Пост «дэзэ» принял.

– Ну вот и молодец. Вечером отметим, я проставляюсь. А то заждался тебя.

Марат был несколько озадачен. И капитан на станции, и этот лейтенант говорили, что уж очень его заждались. Выдающаяся интуиция подсказывала Тагирову, что ожидания эти

лично для него – не праздничные. Скорее, наоборот...

Глава вторая. В начале славных дел

Я нашёл её на антресолях – огромную, помятую, надорванную по краям, в крошечных коричневых пятнышках мушиных делишек (бумага глянцева, а мухи любят гадить на глянец, и я их понимаю). Свёрнутую в рулон карту мира 1987 года издания. Я расстелил её на полу в гостиной и прижал томиками Достоевского края, норвящие скрутиться назад, в прошлое.

На половину планеты, спиной к набитым льдом полярным морям и задорным хохолком Чукотки упираясь в Аляску, разлёгся огромный розовый зверь – СССР. Длинная морда Камчатки раздвигает тихоокеанские воды, из простуженного носа капельками текут Курильские острова. Крепкая передняя лапа Приморья придерживает Китай; задняя, подкованная Кавказом, стоит на Турции и Иране. Огромное мягкое брюхо Средней Азии неоформленным бугром валится куда-то вниз, придавив Афганистан. Мощная задница припёрла Европу к Атлантике. А маленький крепкий хвостик Кольского полуострова греется в остатках Гольфстрима, дружелюбно помахивая Финляндии.

Это – моя страна. Её офицеры и солдаты служили, сражались, пили водку и влюблялись по всей планете – от

джунглей Никарагуа до джунглей Вьетнама, от вылизанных немецких городков до кукурузных полей Мозамбика.

Что мы делали там? Ради чего проливали кровь? От кого я защищал два миллиона квадратных километров пыли и камней, столько же монголов, сто тысяч тонн саранчи и неизвестное количество тарбаганов (тарбаганы – это здоровенные степные суслики с симпатичными мордочками и карими глазами)?

Половина страны топила печи ворованными дровами и бегала по морозу в дощатый сортир, питалась одной картошкой и жила в бараках, чтобы белозубый старший лейтенант смог взбодрить ракету бессмертным «Поехали!» и оттуда, из ледяной бездны, подарить свою незабываемую улыбку нежно-голубой Земле. Потому что мы искренне любили их всех – обижаемую куклуксклановцами Анжелу Дэвис, безымянных ангольских негров и щуплых вьетнамцев, сбивающих то ли бамбуковыми копьями, то ли советскими ракетами громадные американские бомбардировщики.

Нам было не до личных удобств, когда в мире горе и угнетение. Мы строили коммунизм не для себя, а для всего бестолкового человечества, не способного понять своего будущего счастья. И ради слезинки чужого ребёнка, плачущего под бананом на берегу тёплого океана, мы были готовы оставить без еды собственных детей. И сжечь к чёртовой матери всю планету в атомном пламени.

Да, мы такие. Незванные спасители. Загадочные и непред-

сказуемые.

Для самих себя.

* * *

Лейтенанта проводили в общий с отсутствующим парторгом кабинет. В помещении густо разило коктейлем из запахов дешевых крепчайших сигарет и чего-то спиртного.

Затхлая атмосфера пыльного кабинета действовала угнетающе, поэтому Марат с искренней радостью принял предложение Морозова познакомиться с расположением части.

Прошли по чисто выметенным асфальтовым дорожкам, мимо юных ухоженных топольков. Срезали прямо через плотно утопанное пыльное футбольное поле без единой травинки.

Майор Морозов своё ремонтное дело явно любил и неожиданно интересно рассказывал о глючащих противотанковых ракетах и покалеченных каменистыми горными дорогами гаубичных колёсах, о захандривших станциях звуковой разведки и лазерных дальномерах...

Особенно его увлекала привезённая вчера зенитная самоходная установка «Шилка» – скорострельная четырехствольная пушка на гусеничном ходу, заболевшая слепотой радиолокатора.

– Знаешь, как «Шилки» в Африке называют? Машина государственного переворота!

– Почему, товарищ майор?

– А потому, комсомол, что милое дело – подогнать её к президентскому дворцу и ка-а-ак вдарить из четырёх стволов! Любую стенку вынесет, шестьдесят снарядов в секунду! Не хило, да?

– Я думал, она для того предназначена, чтобы самолёты сбивать...

– Вообще-то да, но какие там, в Африке, самолёты? Так, музейные экспонаты. Ну, вот и пришли. Наша ремонтная зона.

Роман Сергеевич гордо показывал свежеокрашенные боксы, в которых брызгала искрами сварка и самозабвенно гудели фрезерные станки...

Бойцы и офицеры в черных комбинезонах деловито сновали с какими-то штуковинами в руках, спорили над заляпанными мятыми чертежами и волокли куда-то тяжелые железяки, карябая бетонный пол...

Марат с завистью смотрел на потные, перемазанные маслом, но одухотворённые лица. Его собственные технические познания ограничивались сугубо прикладными вещами: на какую мандулу нажать, чтобы пушка выстрелила, и за какую фиговину дёрнуть, поворачивая танк.

Да, прав был Морозов. Комсорг Тагиров – личность для технических полубогов рембата бесполезная. Так что придётся постараться, чтобы авторитет заработать.

Так незаметно день добежал до густо-красного, в полнеба, заката, быстро сменившегося чернильной ночью. Лёшка Воробей заскочил за Маратом, выдернул его из душного кабинета.

– Эй, комсомол, хватит над бумажками чахнуть. А то весь запал в первый день потратишь. Забыл? Я сегодня даю торжественный ужин в честь нового «дэзэ» батальона, без главного виновника мероприятие не состоится, хы.

Прошмыгнуть незаметно мимо штаба базы не удалось. На крыльце ждал посыльный:

– Лейтенант Тагиров! К полковнику Сундукову, срочно.

Марат горько вздохнул, поплёлся вслед за предвестником втыка. Воробей сочувственно помахал рукой:

– Давай, комсорг, ни пуха. Будем тебя ждать, адрес знаешь. Возвращайся живым.

К удивлению и радости, вторая за сутки встреча с Дундуком прошла быстро и безболезненно. Полковник вручил ему тяжеленный вещмешок и сообщил:

– От так от. Это доставишь в Дом офицеров, передашь лично Ольге Андреевне. Тут краски типа «гуашь», тушь и блокноты. Она ждёт. Часовое время двадцать часов, в двадцать один ровно чтобы доложил о выполнении путём телефонной связи. Исполнять! А я поработаю ещё три-два часа.

Марат волок оттягивающий руки мешок, медленно продвигаясь в сторону жилой зоны, и размышлял: в чём же будет заключаться работа замполита «ещё три-два часа»? Газетку будет по столу перекладывать или разрабатывать новые передовые методы издевательств над молодыми офицерами?

* * *

Рукописный плакат на стене гарнизонного дома офицеров извещал публику о показе фильма «Нелепые мечты» производства киностудии «Бухаракартин». Тагиров видел этот шедевр соцреализма ещё в училище: там юный чабан мечтает стать знаменитым на весь район (а может, и республику!) хлопкоробом. В своём воображении он изобретает новейший способ быстрого сбора хлопка, получает в Кремле медаль «За работу» 3-й степени, а в родном кишлаке — любовь красавицы Ханумы, дочери бая... то есть председателя колхоза. Пока он парит в сладостных грёзах, забытые им подопечные овцы разбредаются кто куда и в конце концов поедают весь урожай хурмы. Колхоз на грани разорения, а чабану грозит тюрьма, но проникшийся к юноше отцовскими чувствами председатель компенсирует утраченное фруктами из собственного сада площадью в полрайона. В финале все танцуют и поют, чабан едет в Москву верхом на верном ишаке поступать на учебу в агрономическое ПТУ, а Ханума многообещающе машет ему ресницами из-под чадры.

Сидящий в холле ГДО сержант появление Марата не заметил и продолжил, задрав ноги на тумбочку, читать «Историю философии».

– Где мне Ольгу Андреевну найти?

Наглый боец вместо того, чтобы вскочить, отдать честь и подхватить у офицера тяжеленный мешок, вяло махнул рукой, указывая направление.

Тагиров побрёл по коридору и дошел до маленького кабинета, ровно половину которого занимала огромная дебилая тётя неопределенного возраста. Марат мгновенно отметил: грызущая сушки и громко хлюпающая чаем из гранёного стакана необъятная свиноматка была похожа на Дундука, как родная сестра. Не зря замечено народом, что «муж и жена – одна сатана».

– Ольга Андреевна, вам полковник Сундуков приказал вот это доставить. Краски конструкции «гуашь» и прочие канцтовары.

Тётя хрустнула целиком запиханной в рот сушкой и плавно повела пухлой рукой. Пробормотала плотно набитым ртом, разбрызгивая обмазанные слюнями крошки:

– А мешочек на тубаретку поставь, у в том уголочку.

Марат начал продираться между тёткиным столом и заваленным всякой всячиной стеллажом, цепляясь лямками вещмешка за стулья, когда сзади прозвучал необычайный, низкий женский голос:

– Галя, хватит уже сушки лопать на ночь глядя, совсем за

собой не следишь. Лейтенант, вы ко мне?

Ошибочно опознанная как жена Дундука Галя энергично затрясла тройным подбородком и необъятной колыхающейся грудью:

– Та к вам, к вам, Ольга Андреевна! С рембазы хлопчик засланный!

Ольга Андреевна засмеялась, обнажив ровные влажные зубки:

– Галя, засланными бывают казачки. И он тебе не хлопчик, а офицер. Хотя и очень юный. Да, лейтенант?

Она стояла у двери, упёршись восхитительным бедром в облупленный косяк. Заграничные обтягивающие джинсы, мелким бесом выющиеся волосы с рыжиной, зелёные глаза и эта влажная улыбка – всё в ней было нездешним, невозможно женственным, одновременно манящим и недостижимым.

Марат теперь понял, почему дежурный капитан на базе так и не смог сформулировать описание Ольги Андреевны. Для этого надо было родиться Боттичелли пополам с Набоковым.

Она снова сделала это – засмеялась. Будто щедро высыпала горсть крупного жемчуга в гобийскую пыль.

– Выходите из ступора, мой лейтенант. Вы так и не ответили на вопрос. И как вас зовут?

Комсорг проглотил комок ржавой слюны. Слова столпились во рту, пихая друг друга, как школьники перед дверью

очень строгого экзаменатора, – никто не хотел быть первым.

– Тагир... То есть Марат. Я. Комсорг батальона РАВ.

– Ну вот, уже имена путаете, ха-ха-ха! Значит, вы вместо капитана Миронова к нам? Это прекрасно. Галя, угости-ка нас чаем. И место моё освободи, будь любезна. Да, это Галя, она занимает очень важный пост дежурной по генеральскому этажу в гостинице. Ну же, лейтенант, не стесняйтесь, присаживайтесь. Надо же нам поближе познакомиться с юношей, названным в честь великого «Друга народа». Или вы – прямой наследник легендарного линкора? Ха-ха-ха!

* * *

Очумелый Марат перепутал дорогу и упёрся в бетонную стену, огораживающую гарнизон. Стоял и тупо улыбался, пялясь в серую потрескавшуюся поверхность, как в кино-экран.

В голове бродил её голос, память безнадёжно цеплялась за ускользающий запах – сладковатый, но не приторный, глубокий и загадочный. Ольга Андреевна совершенно не походила ни на смешливых девчонок из Свердловского пединститута, ни на разбитных шалав из Читинского камвольно-суконного комбината. Словом, в небогатом донжуановском списке вчерашнего курсанта не были никого, подобного ей.

С балкона ближней пятиэтажки кто-то пьяно проорал:

– Люська, коза драная, вернись!

Тагиров вздрогнул и вернулся в действительность. О чём он размечтался, летёха сопливый? Да и старая она, Ольга Андреевна, – лет тридцать, наверное. А то и тридцать два. И вообще! Она замужем, причём за непосредственным начальником, от так от!

Марат передёрнул плечами и двинулся к дому Лёхи Воробья.

* * *

В подъезде не было света, и Тагиров на ощупь поднимался по выщербленным ступеням. На площадке третьего этажа зажёл спичку и попытался найти нужную квартиру, но номеров на свежеокрашенных дверях не было – видимо, не успели нарисовать. Прислушался. Наверное, вот эта – оттуда доносился пьяный гул голосов и музыка.

Надавил на кнопку звонка. Ничего не произошло. Нажал посильнее – звонок всхлипнул, уронил последний гвоздик и повис на торчавшем из стены проводе.

Постучал костяшками пальцев, потом кулаком – никакой реакции. Плюнул, решил уходить и напоследок пару раз грохнул по филенке сапогом.

Дверь распахнулась, из квартиры хлынул яркий свет и шум застолья в самом разгаре. На пороге стоял невысокий прапорщик – красные пятна на продувной роже, отстегнутый галстук болтается на заколке.

– Ну, чё ломишься? Я здесь не продаю, хата не моя. Ходят, понимаешь. Страдалыцы.

– Лёша Воробей здесь живёт?

– А если и здесь, тебе чё? Не успеют лейтенанта получить – уже бухать лезут. Иди, служи, салага.

Это стало последней каплей, превысившей вместительные возможности чаши мараатовского терпения. Что же за день такой – все норовят унижить и указать ему на юность и неопытность? В конце концов, он не хрен из подворотни, а советский офицер, пусть и совсем новенький. Тагиров скривил презрительную улыбку и рефлекторно включил «городского барина» – на гопников этот метод всегда действовал неотразимо.

– Милостивый государь, не сообразовали ли напомнить, когда мы с вами успели столь тесно познакомиться, что вы позволяете обращаться со мной на «ты»? Может быть, вы кучеру нашему троюродный сынок? Или мы гадили с вами на соседних огородах?

Прапор растерянно остекленел глазами. Марат, развивая успех, грудью сдвинул его в глубь прихожей, переступил через порог и продолжил вполголоса:

– Слышь, кусок⁸, ты себя не забывай. А то я внушу тебе основы субординации не вербально, а чисто физически.

– Ну ты, ну ты. Чё ты? Ты кто такой вообще?

– Лейтенант Тагиров Марат Тимурович. Запиши. А то

⁸ Кусок – обидное прозвище прапорщиков Советской армии.

мозги пропил давно, память прихрамывает небось? Или и не было?

– Чё не было?

– Мозгов не было.

Из пьяно гудящей комнаты раздался голос Воробья:

– Ну, кто там пришёл? Вязьмин, ты там самогонкой барыжишь, что ли? Ленка, дай посмотрю, отстань.

Лёха в обнимку с хохочущей толстушкой-брюнеткой ввалился в прихожую.

– А, Маратка! Жив, слава богу. Познакомились уже? Это Петька Вязьмин, наш батальонный начальник склада. Давай, разувайся. Ленка, хватит на меня вешаться, иди место гостю организуй.

Прапорщик пробормотал что-то неуважительное и, покачиваясь, ушел вслед за брюнеткой. Марат начал сдирать плотно сидящие хромовые сапоги.

– Лёха, а что это за кадр? Что-то про продажу бормотал, про страдальцев, я не понял ничего.

– А, так он самогонкой торгует, по-местному «чамбуром». Дело запрещённое, конечно, но очень востребованное. И денежное. Видимо, спьяну забыл, что не в своей квартире, и принял тебя за покупателя. Пошли, заждались уже виновника торжества.

Народу было десятка полтора, стол уставлен разнокалиберными бутылками с мутным «чамбуром», вскрытыми консервными банками: жестяными – с колбасой и рыбой, стек-

лянными – с огурцами и прочими соленьями. Пьянка уже давно вошла в стадию, когда все громко говорят, но никто не слушает, поэтому Воробью пришлось постучать кулаком по стенке, чтобы привлечь внимание.

– Тихо! Господа офицеры, внимание! Представляю нашего нового комсорга, Марата. И по совместительству отныне – Дежурную Задницу батальона, ха-ха-ха! Выпьем за это!

Народ зашумел, начал чокаться разнообразной посудой – от хрустальных стопочек до железных облупленных кружек. Марата усадили на шатающуюся табуретку, брюнетка Лена выдала пиалу с самогоном, чайное блюдо вместо тарелки и вилку, потерявшую от старости пару зубов.

Марат понюхал посуду и вздрогнул.

Начштаба Морозов опрокинул свою рюмку, крикнул и хлопнул Тагирова по плечу:

– Давай, комсомол! Чего ты его нюхаешь? Глотай!

Зажмурившись и задержав дыхание, влил в себя вонючую отраву. И запоздало вспомнил, что за сутки съел только маленький кусочек хлеба. В голове зазвенело, мир приобрёл добрый вид. Майор ухмыльнулся, нагнулся к Тагирову и тихим доверительным голосом сказал:

– Это всё Воробей жмётся, ёшкин кот. Другой бы нормальной водки у монголов купил, а этот кугут всё экономит. «Чамбуром» господ офицеров травит, да ещё самым дешёвым. И консервами из пайка кормит, нет бы его Ленка толстозадая сварила чего-нибудь.

Роман Сергеевич пододвинул открытую банку с чем-то розовым.

– Поешь хоть, лейтенант. Лосось в собственном соку, в Союзе такого не увидишь. Чего так долго шёл? Под Дундука попал?

– Да я относил в Дом офицеров кое-что, Ольге Андреевне.

– Понятно. Ну как тебе наша Графиня?

– Удивительная женщина. А почему «графиня»? – спросил Тагиров.

– Да она вроде дворянского происхождения, говорят. Ну, и выглядит соответственно, правда? Пообщались?

– Угу. Даже стихи ей почитал, – похвалился Марат.

Внимательно прислушивающийся к разговору прапорщик Петя встрял:

– Ишь ты, поэт. Стихи он читает. Все стихи читают, а служить некому.

Морозов нахмурился:

– Слышь, Вязьмин, ты бы пил поменьше. Тоже мне, служака нашелся. Марат, скажи, ведь красивая?

– Ага, конечно. Никогда таких не встречал. Очень мне понравилась! – восторженно ответил лейтенант.

Прапорщик прищурился, с трудом сконцентрировал взгляд на Марате.

– Ну оборзел, летёха! Подкатывает к жене начальника, совсем нюх потерял.

Марат не помнил, как вскочил, откинув табуретку, и вре-

зал прямо в центр красной наглой морды. Вязьмин схватился левой рукой за нос, а правой начал шарить по столу, нащупывая колюще-режущее.

– Убью, салага! – верещал прапорщик.

– Иди сюда, кусок! – приглашал Тагиров.

На плечах повисли соседи по столу, поволокли на выход из комнаты.

Вслед грохотал Роман Сергеевич:

– Обалдел, Тагиров?! А ты, Петя, заткнись.

– Он мне нос сломал! Я рапорт писать буду! – ныл пострадавший.

Марат стряхнул руки миротворцев, схватил сапоги и выскочил босиком на площадку.

* * *

– Ну ты даёшь, комсомол. Чего так завёлся-то?

Воробей догнал Тагирова уже на улице, остановил. Достал «Охотничьи» без фильтра, которые выдавали солдатам. Марат затаился, закашлялся.

– Лёха, ну и гадость. Чего ты ими травишься? Нормального курува не купить?

– Дорого получается, а эти я на халяву в роте беру, – гордо ответил Лёха.

Тагирова покорило, но он решил никак не озвучивать своё отношение к такой экономии. Чёрт его знает, что у них

тут считается нормальным. Хотя сам бы он никогда не стал курить дерьмовые сигареты, отобранные у мальчишек-срочников.

– Лёха, я накосячил, конечно. Но этот Петя ваш тоже не прав, достал. Как думаешь, напишет рапорт? – спросил Тагиров.

– Чёрт его знает. Я могу с ним поговорить, если хочешь.

– Поговори, пожалуйста. А то иметь залёт в первый же день службы как-то неохота.

– Да уж. Если делу ход дать – это не залёт, это суд офицерской чести. Ладно, не кисни. Лучше скажи, презервативы есть у тебя? – поинтересовался Лёха.

Расстроенный Марат не сразу понял Воробья, переспросил:

– Чего есть?!

– Презервативы. Ну, гондоны. Есть?

– Откуда? А тебе зачем?

Лёха сплюнул и рассмеялся.

– Я погляжу, ты прямо на глазах тупеешь. Рановато начинаешь, лейтенант, до полковника-то тебе ещё служить и служить, ха-ха-ха! Провожу ликбез: берешь пакетик, разрываешь упаковку, достаёшь, надеваешь... Сказать, на что надеваешь?

– Да ну тебя. Просто к чему эту тему завёл – не понимаю. Воробей погрустнел.

– К тому и завёл, что мои кончились два месяца назад, а

здесь не достать. А залетать Ленке никак нельзя, она «чеками» получает...

– Погоди, погоди... У меня сегодня какое-то несварение мозга, либо я и вправду с детства – дебил. Какие «чеки»? Кто получает? И при чём тут контрацептивы?

Лёха вздохнул. Снова вынул «ядерную» сигарету из нищенской пачки (Марат, помотав головой, отказался) и продолжил:

– Ленка, жена моя, получает зарплату чеками «Внешторгбанка», она в геологической партии работает, в бухгалтерии. Лучше не спрашивай, как я её туда устраивал. А там по контракту беременеть нельзя. Тех, кто залетает, сразу в Союз переводят. Ну, она жена офицера, её просто уволят. А это – песец. Знаешь, сколько один рубль чеками в Союзе стоит? Можно по два с половиной, даже по три сдать! Лучше, конечно, в Москве или Ленинграде, там курс вкуснее и «Берёзок»⁹ полно...

– Пойду я спать, Воробей. Ничего не соображаю. Почему твоей жене нельзя рожать? Вы же молодые, в законном браке! Курсы какие-то, «Берёзки».

– Иди, Марат. Не понимаешь – так и не надо, значит. До завтра!

Тагиров пожал руку и поплёлся в сторону офицерской го-

⁹ «Берёзка» – сеть магазинов в СССР, торговавших остродефицитными товарами за чеки Внешторгбанка и Внешпосылторга, которыми работавшим за рубежом советским специалистам выплачивали зарплату.

стиницы, не веря, что этот бесконечный день наконец-то завершился.

* * *

Когда утром Марат ехал автобусом на рембазу, ему казалось, что все пассажиры плотно набитого «подкидыша» знают о ночном инциденте и смотрят на него осуждающе. Однако утренний развод и совещание офицеров прошли без упоминаний о сломанном носе прапорщика Вязьмина, который на службу не вышел.

Марат начал успокаиваться и вполуха слушал, как командир батальона обсуждает с ротными выполнение плана ремонтных работ. Юрий Николаевич говорил тихо, и его голос действовал на Тагирова усыпляюще.

– Комсорг! Толкните его кто-нибудь.

Марат вытаращил глаза. Надо же, заснул на совещании, придуток. Вскочил, уронил со стола фуражку, выкрикнул:

– Я!

Юрий Николаевич покачал головой:

– Ай-яй-яй, голубчик, ну что же вы? Спать на совещании офицеров – моветон. Я понимаю, молодость, соблазны, ну вы всё-таки рассчитывайте свои силы, чтобы и на службу хватало, уж будьте любезны. Вы, видимо, меня не слышали? Тогда повторю: ваш... э... партийно-политический вдохновитель полковник Сундуков прислал распоряжение. Вот.

О проведении комсомольских собраний по обсуждению решений пленума Центрального Комитета... Словом, каких-то там вам известных решений. А у нас планы ремонта вооружения и так горят, не успеваем. Я вас очень прошу: найдите разумный выход из сложившегося положения. Ибо много времени выделить на исполнение этого, несомненно, важно-го распоряжения я не смогу, увы.

– Конечно... Так точно, товарищ полковник! А сколько часов будет выделено?

Юрий Николаевич кашлянул и посмотрел на Морозова. Тот кивнул и взял слово:

– Да нисколько, комсомол! Нам не до болтовни... не до собраний сейчас, понимаешь? Как там у вас проверяют выполнение? Бумажки смотрят? Вот и обеспечь бумажки. А Дунд... Кхм. А Сундукову доложишь, что все собрания прошли, как он и распорядился. Что непонятно?

Тагирову пока было непонятно абсолютно всё, но он автоматически ответил:

– Так точно, всё понятно! Проведём. То есть напишем. Соберу комсorghов взводов и рот, напишут протоколы, проинструктирую.

– Ни хрена ты не понял, лейтенант! Не дам я тебе комсorghов для этого, они все на работах заняты. Сам пёрышком скрипи. Садись.

– Есть.

Марат сел, лихорадочно подсчитывая в уме: шестнадцать

взводов, пять рот. И батальон ещё. Ничего себе – работка. Морозов закончил совещание:

– Сегодня и в субботу работаем до девяти вечера. Перерывы на обед и ужин – максимум полчаса.

Кто-то из ротных вздохнул:

– Блин, да это же каторга. Народ и так уже с ног валится. Отдохнуть-то надо хоть немного? Меня уже ребенок не узнаёт, пугается, когда видит. Ухожу на службу – темно, прихожу домой – темно... Всю неделю – в роте. Если в Союзе – давно жена сбежала бы к теще.

– А вот комсомол у нас ответственным будет по батальону в воскресенье, освободит вас на сутки для семейного отдыха. Так, Тагиров?

– Так точно! Конечно.

– Ну вот и славненько. Все свободны.

После совещания Воробей отвёл Тагирова в сторону:

– Я с хорошей новостью: переговорил с Петькой Вязьминим. Семьсот.

– Не понял. Чего «семьсот»?

– Тугриков, чего же ещё. Отдаешь мне, я ему передам, а он рапорт не пишет на тебя.

Марат растерялся. Он впервые слышал, что конфликты между своими решаются вот так – финансовым путём. Ну, извиниться, поляну накрыть – это понятно. Но чтобы деньгами?

– Лёха, тебе спасибо, конечно. Только у меня бабок нет

вообще. А когда получка? И сколько мне дадут?

– Получка шестнадцатого числа. Тебе дадут около тысячи тугриков. Понял?

– Да понял, понял...

* * *

Дундук стоял перед клубом рембазы и, размахивая руками, руководил процессом установки огромного плаката. На нем красного цвета воин с невозможно широкими плечами прикрывал телом родную страну, изображенную в традиционных деталях: колхозный трактор пахал землю прямо во дворе заводского цеха, а космический корабль, паря в пространствах Вселенной, упирался непосредственно в Останкинскую телебашню. Чтобы зритель случайно не ошибся в идентификации охраняемой территории, над всем этим раздольем царили четыре огромные буквы «СССР». Былинный солдат одной могучей рукой придерживал крохотный, теряющийся на необъятной груди автомат, а второй указывал на прямоугольник, тесно исписанный буквами. Приглядевшись, Марат рассмотрел что-то вроде «Материалы совещания ЦК КПСС...» – и дальше неразборчиво: художник явно не соотнёс размах своих творческих сил с площадью геометрической фигуры, и буквы, поначалу написанные крупно и солидно, под конец фразы начали стремительно мельчать и вырождаться в нечитаемые закорючки.

Солдаты, облепившие написанный на листе жести плакат, как муравьи вафлю, пыхтели и пытались попасть приваренными по бокам трубами в выкопанные в земле отверстия. Дундук ревел:

– Куда, дурни! Левее! Идиоты безмозглые, левее!!! О, то есть правее, перепутал. Ну чего непонятно, дебилы? Теперь вниз! Ой, тля...

– А-а-а!

Старательно пыхтя, бойцы засунули трубу в дырку вместе с ногой зазевавшегося сержанта. Бедняга заорал, выпучив глаза, схватился за ближайшего товарища и начал падать. В итоге вся конструкция с грохотом обрушилась на стену клуба.

Тагиров, пользуясь суетой, попытался проскочить незамеченным, но был выловлен недреманным оком полковника и запряжен на контроль установки левой трубы, пока Дундук забежал справа и кричал что-то невразумительное вроде «От так от! Ух! Чуток ещё, загибай!»

Наконец справились. Сундуков, отдуваясь, снял фуражку и протёр потную лысину. Стрельнул в Марата бесцветными глазками, опустил взгляд на лейтенантскую обувь. Тагиров тоже посмотрел туда, но ничего особенного не обнаружил: сапоги как сапоги, все в пылище. Полковник начал тихо:

– Ага. И обувь не чищена. А почему? Так как потому, что имеем бестолкового и безалаберного сопляка, а офицера – так нет. Некогда ведь за формой состояния одежды следить,

когда у нас пьянки насквозь всю ночь!

Тагиров стоял навывтяжку, чувствуя, как пульсирующий багрянец заливает лицо. Солдаты спрятались за угол клуба и выглядывали оттуда, хихикая. Голос Дундука набирал силу и пронзительную мощь.

– Кого, тля, готовят там у вас в военном училище, а? Родина надрывается, пашет, едою кормит! А вы? Морды бьёте каким-то прапорщикам! Нет, чтобы изучать первоисточники! Классиков марксизма-ленинизма!

Марат с ужасом осознавал, что Сундукову всё уже известно, и теперь никакое чудо не спасет его от суда офицерской чести и позорного изгнания из армии...

Полковник неожиданно успокоился и заговорил нормальным голосом.

– От так от. Чего стоишь, как столб? Куда шёл? В ремзону? Вот и иди, а не навроде пня пнём стой. Распоряжение видел про собрания? Чтобы провели. А то я вас всех знаю наперечет – бумажки напишете и будете мне в нос сувать. А я не дурак! Я солдат твоих спрошу, было собрание или ни разу. Понял, лишенец?

– Так точно, товарищ полковник.

– Ещё б ты не понял. Ухи-то есть пока, значит, слышишь. К Ольге Андреевне сегодня зайди. Если стихи хорошо читаешь, будешь в доме офицеров в концерте участвовать. Или там, вести. Она заместитель начальника дома офицеров, что скажет, то и сделаешь.

Ужас, схвативший сердце холодными пальцами, отступил. Дундук явно не планировал разбираться по поводу ночного избиения прапорщика Вязьмина, и Тагиров тихонько выдохнул: послужим ещё, слава богу. Повеселевшим голосом ответил:

– А как же, товарищ полковник! Чего Ольга Андреевна пожелает – всё сделаю, будет довольна!

И осёкся, поняв, что ляпнул что-то двусмысленное. Сундуков, однако, уже не слушал. Отмахнувшись от лейтенанта, как от мелкого насекомого, широкими шагами направлялся к клубному крыльцу, на ходу начиная кричать:

– Начальника клуба сюда!

Марат не стал дожидаться и бочком-бочком отошёл за угол, а оттуда уже припустил во весь дух.

* * *

Старший лейтенант Серёжа Викулов был личностью, известной на всю 39-ю армию. В отличие от коллег-офицеров, он заканчивал политехнический институт, а не военное училище. В каждой студенческой группе есть такой – тихий, долговязый, несуразный очкарик, у которого всегда найдётся нужный конспект. Одиночкой его не назовёшь – вроде бы и в коллективных пьянках участвует, вон сидит мышкой в уголочке, цедит весь вечер свои полстакана портвейна, пьяненький уже после первого глотка. Если нужен гонец-доб-

роволец за добавкой, то он всегда вызывается, потому что общественник и вообще добросовестный и ответственный. Но одного отправлять нельзя – обязательно деньги потеряет, или на гопников у магазина нарвётся, или поскользнётся и упадет на обратном пути и разобьёт, к чёртовой матери, все бутылки до одной. Неудачник – хроник. И никому дела нет, что у него в голове плещется, каких тараканов он там выращивает...

А между тем Серёжа зачитывался книгами про войну, знал наизусть структуру Конногвардейского полка образца 1816 года и что сказал Мюрат маршалу Нею при переходе войск из Генуи в Верону. В горячечных мечтах он не автоматические системы управления на станочной линии налаживал (такая специальность была прописана в политехническом дипломе), а карабкался по заляпанной грязью броне командирского танка, чтобы повести свою колонну на Берлин... Вот и нечему удивляться, что после окончания института с красным дипломом и бледно-синюшным лицом он оказался в армии в качестве двухгодичника – «пиджака». Что он вытворял во вверенном ему танковом взводе и как доводил до инфарктов и воспаления мозга непосредственных начальников – отдельная история¹⁰. Но завершилась она совершенно неожиданно: Серёжа во время больших учений

¹⁰ История героического подвига Сергея Викулова изложена в рассказе «Пиджак», вошедшем в сборник автора «Ограниченный контингент» (Астрель – СПб., 2014).

заблудился в монгольской степи со своим танковым взводом и нечаянно выехал на штаб дивизии «противника», условно тем самым его уничтожив, принеся победу своему начальству и медаль «За боевые заслуги» себе. Окрыленный успехом, Викулов написал рапорт о продолжении службы после истечения двух лет, и руководители отказать героическому Серёже не имели права. Единственное, что удалось сделать командиру полка, – добиться перевода ходячего победоносного недоразумения на рембазу, подальше от танков, этих набитых боевыми снарядами источников повышенной опасности.

А в рембате Викулов более-менее прижился. Никто лучше его не разбирался в запутанной паутине электрических схем; паяльником он владел, как хороший художник – беличьей кистью. С Маратом Тагировым они сошлись быстро – видимо, на почве увлечения военной историей. Хотя и другой вариант возможен: один – молодой лейтенант, которого все гоняют почём зря, второй – странноватый «пиджак», не способный поставить солдата на место... Изгой тянутся друг к другу, как тянутся бомжи в один и тот же тёплый подвал...

В тот сентябрьский вечер они сидели вдвоём в пустой Ленинской комнате и до кровавых соплей спорили о роковой битве при Ватерлоо, рисуя кривые квадратики и стрелки на обрывке ватмана.

– На фига Рей тупо кидался со своим корпусом на замок Угумон? Ничего это не решало, ни-че-го! – покрасневший-

ся Серёга тыкал карандашом в исчирканный ватман, беспрестанно поправляя очки. – Наполеон тут сглупил. Ведь ясно было, что Веллингтон не поведётся, не снимет войска с центра!

Марат вырвал карандаш у приятеля и начал лихорадочно рисовать новые загогулины, крича:

– Да при чём тут это! Если бы Груши пришёл вовремя, если бы его, как лоха, не развёл Блюхер, было бы всё по-другому!

Восхищённые собой и друг другом, стратеги толкались плечами, пыхтели, склонившись над полем великой битвы, и не заметили, как в комнату вошёл майор Морозов. Постоял, вслушиваясь, усмехнулся:

– Вот за что нашему батальону такое наказание, а? В Генеральном штабе маршалов не хватает, а тут – целых два. Вам заняться нечем, полководцы задрипанные?

Теоретики вскочили и замерли по стойке «смирно».

– Викулов! Завтра приходит ракетная пусковая установка «Точка» на регламентные работы, ты подготовился? Техническое описание получил в секретной части, изучил?

Серёга растерянно захлопал глазами, промямлил:

– Там, это. Не выдаёт секретчик, говорит: здесь читай, а то ещё проср... То есть потеряешь, говорит.

– Правильно говорит, я тебе не то что секретные бумаги – я бы тебе пуговицу пришить не доверил. Или пуговицу потеряешь, или иголкой насмерть заколешься. – Роман Серге-

евич перевёл разъярённый взгляд на Тагирова:

— А ты, комсомол?! Вижу, хорошо тебе в политработниках, ни фиги делать не надо. Вот и иди сейчас со своим чокнутым корешом, принимай у него роту молодого пополнения. А то он уже свой взвод распустил, работу в роте молодых завалил, осталось только ракету сломать, и трибунал гарантирован. Шагом марш отсюда оба!

Несостоявшиеся военачальники ломанулись из Ленкомнаты, как свита Наполеона от казаков атамана Платова.

* * *

Рота молодого пополнения формируется на полгода из вновь призванных бойцов. Там вчерашних маменькиных сынков учат суровой мужской жизни, гоняя почём зря. Сопляки расстаются с гражданскими пережитками, осваивая тяжёлую науку подшивки воротничков и правильного отдания воинской чести. И так до тех пор, пока очередные дембеля-счастливчики не разъедутся по домам, пугая пассажиров плацкартных вагонов дикими песнями, неуёмным злоупотреблением спиртным и фантастически расшитой формой, украшенной латунными ракетами и белыми шёлковыми аксельбантами в самых неожиданных местах. В подразделениях их заменят выпускники роты молодого пополнения, которые начнут свой отсчёт дней, часов и минут «до приказа», чтобы через полтора года повторить тот же славный путь

домой... И вновь обернётся вечное колесо, и вздрогнут заплеванные тамбуры, и заплачет вагонное стекло дождевыми каплями, растроганное рвущими сердце строками про девчачье предательство:

Ковыляй потихонечку,
А меня позабуди,
Отросли мои ноженьки,
Проживу как-нибудь...

Но это – потом, потом. А пока – подъём за сорок пять секунд, строевая подготовка на раскалённом пыльном плацу и бег по утрам, усыпляющие политзанятия и зубрёжка уставов. Редкие письма из дома и бесконечная сборка-разборка «калашникова», сбитые в кровь неумело намотанными портянками ноги и тошнотворная «хавка» в вонючей столовке...

Терпи, солдат. Дембель неизбежен, как крах империализма.

Но пока существует империализм – дембель в опасности!

* * *

Батальонный развод – в восемь часов утра. Марат заранее привёл свои полсотни «молодых», выстроил на левом, непочётном, фланге. Оставил сержанта Примачука за старшего, вразвалочку подошёл к курящим в сторонке ротным.

Не спеша пожал жёсткие руки, протянутые, как равному. Его распирало чувство сопричастности к тяжёлой командирской судьбе, гордой принадлежности к обществу опытных волков – офицеров. Понимающе кивал на жалобы комроты-два про пропавшее постельное бельё; сочувственно поддакивал, осуждая расписание нарядов.

Из штаба выскочил майор Морозов, быстрым шагом направился к центру плаца. Офицеры порскнули по своим местам.

– Батальо-о-н! Равня-яйсь! Сми-rrp-но! Равнение на-право!

Грохоча подкованными сапогами, встретил идущего не спеша Юрия Николаевича, доложил. Командир батальона вяло махнул рукой («Вольно»). Выслушал по очереди доклады командиров рот и отдельных взводов (Марат страшно волновался, но ничего не перепутал и доложил правильно). Тихо поставил задачу на день, потом вопросительно глянул на Тагирова:

– Ну что, голубчик? Вы хотели что-то сказать батальону?
– Так точно, товарищ подполковник! Как комсорг.
– Кхм, ну хорошо. У вас пять минут.
– Успею. – Марат повернулся к строю. – Товарищи комсомолыцы!

Пять сотен пар глаз уставились на лейтенанта. Тагиров, подавляя смущение, продолжил:

– Мы сейчас проведём общее комсомольское собрание.

На повестке дня – один вопрос: материалы сентябрьского пленума Центрального Комитета Коммунистической партии – в жизнь. Мы все, как один, поддерживаем решения КПСС. Кто против?

Марат замолчал и внимательно взгляделся в остолбеневший строй. Диссидентов не наблюдалось.

– Значит, единогласно! Собрание объявляю закрытым. – Тагиров обернулся к ошеломлённому командиру батальона и кивнул головой. Все офицеры таращились на Марата со смешанным выражением восхищения и удивления. Первым пришёл в себя начальник штаба:

– Равняйся! Смирно! Развести подразделения по местам работ и занятий. Старшины рот – командуйте.

Роты попылили по своим делам. Морозов протянул Тагирову руку, покрутил головой:

– Ну ты виртуоз, поздравляю! В тридцать секунд всю партийно-политическую работу уложил, – и заботливо поинтересовался: – А от Дундука не нагорит?

– Не должно. Собрание проведено в строгом соответствии с повесткой, голосование было. У солдат спросит – ответят, – Тагиров вздохнул. – По крайней мере, я на это надеюсь.

Роман Сергеевич хотел что-то добавить, но осёкся, глядя за спину лейтенанта. Марат обернулся – через плац бежал прапорщик Петя Вязьмин, размахивая руками. Кто-то из ротных тихо сказал:

– В первый раз за три года вижу, чтобы он бегал. Точно

что-то случилось – либо недостача гуталина, либо третья мировая война.

Начальник склада продышался и прохрипел:

– Там, на складе... Хан повесился.

– Толком говори, какой ещё хан? Золотая Орда на склад напала? – Морозов схватил прапорщика за грудки, потряс. – Откуда там у тебя ханы? Ты пьяный, что ли?

Голова Вязьмина болталась, слюна из приоткрытого рта стекала на щёку.

– Сержант Ханин. Кладовщик мой. Повесился, – наконец-то выдавил прапорщик.

Морозов отпустил несчастного, побагровевший Вязьмин выдохнул. Начальник штаба снял фуражку, сплюнул:

– Ну, дела. Не было печали... Тагиров! Ты же у нас военный дознаватель? Иди в штаб, звони прокурору гарнизона, вызывай сюда. Потом зайди в медпункт, забери врача – и на склад. Я сам туда пошёл, лейтенант Воробей, – за мной. Викулов, Ханин в твоём взводе числится? Тоже пойдешь. Остальные офицеры – по своим подразделениям. Давайте, давайте! Работайте. Вы что, висельников не видели? Выполнять.

Марат резво бежал штаб и думал, что скоро запутается в своих многочисленных должностях и обязанностях. Тяжела судьба дэзэ, эх!

Военный прокурор гарнизона майор Пименов – длинный, худой, с грустным лицом умницы и философа. Никто и никогда не видел его растерянным или гневным. Вот и сейчас воспринял чрезвычайное происшествие в батальоне РАВ равнодушно: ну, повесился боец срочной службы, подумаешь. Молодёжь вообще хлипкая пошла, чуть что не так – вешаются. Чтобы застрелиться – это надо в караул пойти, а для резки вен в армии катастрофически не хватает ванн и горячей воды, так что – только вешаться! И не возражайте мне тут, веревочку взяли, мыльце – и вперёд, не задерживайте!

Прокурор обошёл вокруг висящее на капроновом зелёном шнуре тело, аккуратно обогнул упавшую далеко табуретку. Шумно втянул воздух: на складе сильно пахло горелой бумагой. Кивнул:

– Снимайте. Воробей, ты будешь бумажки оформлять?

Лёшка отрицательно pokrutil головой:

– Нет, товарищ майор, у нас дознаватель новый, лейтенант Тагиров, – и выпихнул растерянного Марата пред очи гарнизонного Пинкертона.

Прокурор не спеша протянул руку:

– Ну что ж, будем знакомы. Оформляйте протокол осмотра места происшествия, потом с медициной поезжайте на вскрытие. Проведите изъятие всех личных вещей покойно-

го, тут и в казарме. Или где он у вас жил? Ну вот. Сделайте опись, завтра жду к четырнадцати часам с описью, протоколом и актом вскрытия. Откуда жженным несёт?

Прапорщик Вязьмин услужливо показал на грязное ведро в углу:

– Оттуда... Письма жёг, похоже.

– Понятно. Предсмертная записка где? Ума, надеюсь, хватило не трогать? Вот и хорошо. – Майор приблизился к столу, нагнулся над белым листком. – Лейтенант! Который дознаватель, сюда подойди. Забирай, приобщишь к делу.

Тагиров давно порывался сказать, что он никогда не был военным дознавателем и даже не подозревает, что это такое. И сейчас всё в нём кричало: «Люди! Как вы можете так равнодушно на всё это смотреть, говорить про какие-то бумажки – ведь ЧЕЛОВЕК УМЕР! Мечтал, любил, собирался на дембель – и тут такое горе. Очнитесь, люди, пожалейте хоть немножко его!»

Но первый месяц офицерской службы уже многому его научил, и он только кивнул:

– Так точно! – и приступил к изучению белого листка, вырванного из тетради в клеточку. Крупными печатными буквами там было написано: «В моей смерти прошу никою не венить Наташка сука сержант Ханин». Именно так – без знаков препинания и с ошибками.

Тагирову вдруг стало пронзительно жалко этого пацана, который вот так ушёл, глупо и внезапно, и оставил после се-

бя только безграмотную записку. Было невыносимо душно от запаха горелой бумаги и посмертной дефекации. Бормоча извинения, он почти оттолкнул прокурора, с трудом отжал дверь склада на мощной пружине и выскочил на улицу. Достал сигареты, кивнул бледному Викулову, сочувственно спросил:

– Ну чего, полегчало?

Сергей со всеми вместе зашёл на склад и тут же вылетел, зажимая рот ладонью. Пока Пименов производил осмотр – блевал за углом.

Викулов пожал плечами, посмотрел затравленно на Марата, ожидая насмешки. Не дождался и успокоился, протянул худые пальцы в ожогах от паяльника:

– Дай мне тоже покурить. Не могу на мёртвых смотреть, выворачивает.

Подъехала «буханка» – медицинский уазик, скрипнула тормозами. Вылезли два хмурых бойца с носилками, огляделись. Марат показал рукой на широкую дверь склада:

– Сюда давайте.

Прокурор попрощался, напомнил Марату о завтрашней встрече и ушёл с Морозовым, что-то обсуждая на ходу. Тело Ханина занесли в уазик, Тагиров запрыгнул в него вслед за врачом, махнув рукой на прощание. Гремя ключами, мрачный прапорщик Вязьмин закрыл и опечатал склад, ушёл по своим делам.

Серёжа Викулов продолжал стоять, прислонившись к до-

щатой стене, искрошив в пыль нервными пальцами так и неприкуренную сигарету. И продолжал бормотать то ли извинения, то ли проклятия кому-то.

* * *

На следующий день ровно в два часа вымотанный Марат доставил прокурору результаты суточного труда – серую картонную папку с бумагами по делу и вещмешок с личными вещами сержанта Ханина.

Майор Пименов кивнул, приглашая Тагирова присесть. Просмотрел материалы, в вещмешок даже не заглянул. Довольно кивнул:

– Ну что, молодец, лейтенант, оперативно сработал. Бумаги заполнены правильно. Ещё характеристику принесёшь от командира взвода, и можно дело закрывать. Тут всё понятно. Резкий запах алкоголя, никаких посторонних повреждений... Самоубийство на почве несчастной любви под воздействием опьянения. – Майор поднялся, протянул руку. – Спасибо, буду начальнику рембазы звонить, просить о твоём поощрении. Пойду в столовую, составишь компанию?

Марата передернуло, кислая слюна заполнила рот. После присутствия при вскрытии трупа есть он не мог – казалось, что гнусный сладковатый запах морга пропитал всю кожу. А что вытворял медик! До сих пор стояло перед глазами, как прозектор ловко шинкует вынутый из черепной коробки

мозг на тоненькие полоски остро отточенным скальпелем. Будто салат готовит...

– Спасибо, я есть не могу со вчерашнего. Как о еде подумаю – человеческие внутренности мерещатся.

Пименов хохотнул:

– А, понятно. Тогда не настаиваю. Ну ничего, и через это надо пройти, привыкнешь. Давай, лейтенант, до встречи, – и зазвенел ключами, закрывая сейф.

Тагиров вышел на улицу, потопал по раскалённому асфальту в сторону своего дома. Хотелось помыться, уже в третий раз за сутки. Хоть немного притупить запах гнили.

Марат так и не решился поделиться с прокурором своими размышлениями, что с самоубийством Ханина не всё чисто. Служить сержанту оставалось месяц-полтора, а там – домой. Неужели не мог потерпеть совсем немного и уже на месте разобраться с неверной девчонкой, расставить точки над «i»? И что-то не так было с посмертной запиской.

А с другой стороны, Тагирову больше всех надо, что ли? Пименов – стреляный воробей, лучше знает жизнь. Может, у него этих самоубийц – по пучку в месяц, и все с прибабахом. Другие-то и не вешаются, верно?

Но мрачные мысли не отпускали, и особенно изводило чувство, что Тагиров чего-то не понял, не увидел явного. Совесть ныла, как больной зуб. Задумавшись, толкнул дверь хозяйственного магазина – надо было пополнить запас мыла, изведённый после яростного мытья. Прищурился, зайдя

в прохладный полумрак после затопленной солнцем улицы.

И сразу услышал ЕЁ смех. Ольга Андреевна стояла у прилавка и болтала с продавщицей. На ней было легкомысленное летнее платье, открывавшее покрытые нежным загаром плечи, и какие-то несерьёзные шлёпанцы на стройных ножках, больше подходящие восьмикласснице на курорте, а не супруге грозного полковника Сундукова в своём гарнизоне.

Продавщица заметила Тагирова, спросила:

– Вам чего, молодой человек?

Ольга Андреевна оглянулась, радостно всплеснула голыми тонкими руками:

– Ой, это же мой лейтенант! Вот, Раечка, рекомендую – весьма незаурядный юноша, и приятный во всех отношениях.

Раечка двусмысленно хохотнула:

– Так уж и во всех? Уверены, Ольга Андреевна?

Теперь они смеялись вдвоём, а Марат тупо молчал, краснея. Забыв, зачем он припёрся в этот магазин, и чувствуя себя очень неловко.

– Ну вот, вогнали мальчика в краску, ай-яй-яй! – продолжая смеяться, Ольга подхватила Тагирова под руку. – Мы пошли, Раечка. Вы же меня проводите, лейтенант? Возьмите эту сумку.

Марат шёл по улице, кивая на её щебетание, и страшно боялся не подстроиться под лёгкий шаг; деревянно ставил ноги, стараясь не сбиться с ритма. Он шагал под руку с самой

красивой женщиной гарнизона, а может быть, планеты Земля, и это видели все вокруг. И, наверное, смеялись над ним: что там себе вообразил этот сопляк? Ничего особенного не происходит, жена начальника попросила проводить, донести авоськи, подумаешь.

– Вот мы и пришли, мой лейтенант. Спасибо. Вы опять в каких-то своих мыслях и меня совсем не слушали.

Женщина лукаво улыбнулась.

– Ну что же вы? Возвращайте мне пакет, он не ваш.

Марат покраснел, неловко подал сумку, чуть не уронив. Решился и спросил:

– Да у нас чрезвычайное происшествие, сержант жизнь покончил самоубийством. Девушка ему вроде бы изменила, а он не стал ждать встречи, всего месяц надо было потерпеть... Как вы думаете, это естественный поступок? Мне важно ваше мнение, я хочу разобраться.

Ольга Андреевна перестала улыбаться. Посмотрела на Тагирова как-то странно: грустно и, кажется, оценивающе.

– Глупый вопрос, лейтенант. От вас такого не ожидала. Любовь иногда не то что месяц не может подождать, для неё и минута – невыносимый срок. Если она, конечно, настоящая. Вот у вас в жизни была такая настоящая любовь, лейтенант? Чтобы навсегда и немедленно? А потом хоть гибель, хоть тюрьма, хоть позор – всё одно? А, лейтенант? Ну, чего же вы молчите?

Марат чувствовал, что сейчас он должен сделать или хотя

бы сказать что-то безумное. Но вместо этого промямлил:

– У меня, конечно. А как же? Была, да. Любовь. Даже не один раз.

Ольга Андреевна вздохнула.

– И зачем вы врёте, лейтенант? Вам не идёт.

Развернулась и пошла. В развевающемся белом платъице, которое своей полупрозрачностью ничего не скрывало.

* * *

Марат ещё в августе переехал из гостиницы в «весёлую квартирку» – коммуналку для холостяков. Состав жильцов часто менялся, ремонт никто не делал, но всё равно там было лучше, чем в общежитии. Тагирову повезло, ему досталась крошечная, в восемь квадратных метров, зато своя комнатка. И даже с мебелью: от предшественника остались солдатская железная койка, привычная ещё с военного училища, вполне приличный шкаф и полуживой стул. В комнате побольше жили два лейтенанта из бронетанкового ремонтного батальона, уже второй месяц торчавшие в командировке в далёком городе Чойболсане. А самая большая, где стояли диван и двухъярусная кровать, вообще пока пустовала: сосед, лохматый ракетчик, уехал на стрельбы в Капустин Яр, в Союз. Так что Марат неожиданно оказался единоличным жильцом хоть и ободранных, но просторных «апартаментов».

Тагиров долго тёр себя мочалкой, используя послед-

ний кусочек мыла. Постоял под скудным, еле тёплым душем. Прошёл в свою комнату, достал из планшета машинописные копии бумаг, переданных прокурору. Перечитал опись личных вещей сержанта Ханина, хотя и так помнил её наизусть – список был недлинным.

Начатый «дембельский альбом». Каждый отслуживший в армии имеет такой – мутные любительские фотографии с однополчанами (чаще всего – с сержантом Примачуком, старшиной роты молодого пополнения), какие-то дурацкие стихи, вырезки из армейских газет. Из чего напрашивался вывод: Ханин ещё несколько дней назад не собирался вешаться, а, наоборот, предвкушал окончание службы и счастливую жизнь на гражданке. Чтобы там устроиться на работу, жениться, нарожать детишек. И раз в году, на 23 февраля, доставать этот альбом, показывать соседу или подростшему сынишке. Снова вспоминать службу, рассказывать затёртые байки... «Кто не был – тот будет, кто был – не забудет 730 дней без родных, без друзей».

Автоматный патрон. Многие солдаты после стрельб такие припрятывали, чтобы потом просверлить дырку в пуле и повесить на шею. Этакий брутальный сувенир из армии, «последний патрон». Мода на них пошла из Афгана и быстро распространилась на остальные войска. Ничего особенного.

Мятый листок с сигаретную пачку. На одной стороне – отпечатанная в типографии «опись боеприпасов. Гранатный ящик № (пропуск заполнен от руки, номер 988), гранаты

РГД-5, количество штук – 12». Видимо, валялся листок на складе, Ханин его подобрал и использовал в качестве бумаги для письма: на обратной стороне карандашом торопливо были набросаны строчки:

И некого теперь винить,
Что хочется тебя любить,
И мне опять волнует кровь
Твоя горячая любовь.

Тьфу, чушь какая. Интересно, кто автор: сам сержант или кто-то из его товарищей? Впрочем, без разницы. Мальчишки стараются, пишут дурацкие стихи. Потом шлют своим прыщавым Дульсинеям или переписывают в те же «дембельские альбомы».

Каптёр роты передал Марату вещи сержанта, хранившиеся в кладовой: новенький чемодан искусственной кожи, хороший спортивный костюм и кроссовки, какие-то монгольские сувениры. «Дембельское приданое».

И чего? Ничего особенного, и никаких оснований идти к прокурору и просить не торопиться закрывать дело.

Тагиров выругался вслух. Подумал: «Мне что, больше всех надо? Дурью маюсь, будто заняться мне нечем». Пошел в ванную, чтобы отнести мокрое полотенце, толкнул дверь и замер на пороге: в нос ударил резкий запах спиртного. Щёлкнул выключателем, огляделся.

На потолке расплывалось бурое пятно, вниз срывались

жирные тёмные капли, и их становилось всё больше. Марат поймал одну в ладонь. Понюхал, лизнул; сплюнул, скривившись. Блин, это не галлюцинация: привкус спирта чувствовался вполне явственно. Что бы это могло быть? Сосед сверху, прапорщик Вязьмин, изволит ванную с шампанским принимать, шалун?

Лейтенант, чертыхаясь, оделся и пошёл разбираться.

* * *

Дверь открыл расхристанный Петя. Покачнулся, молча пропустил Марата в квартиру. Прилип к косяку, не в силах оторваться – от него здорово разило «чамбуром». Тагиров распахнул дверь в ванную и остолбенел.

Грязнущий пол был заставлен огромными жестяными банками из-под томатной пасты, опустошенными и ещё нетронутыми. Ванна наполовину заполнена какой-то пузырящейся гадостью, стиральная машина надрывно гудела центрифугой. А воздух насыщен алкогольными испарениями так, что его можно было разливать по стаканам.

Марат, матерясь, выскочил в коридор, прошёл на кухню. Там на газовой плите гудел огромный самогонный аппарат, из медного змеевика капала в кастрюлю мутная жидкость. На столе и под столом стояли десятки разнокалиберных бутылок – уже наполненных и прикрытых крышками из синей бумаги, перевязанной черной ниткой, и пустых, ждущих сво-

ей очереди.

Процесс производства был в самом разгаре.

Тагиров выключил газ, вернулся. Схватил Вязьмина за плечи, начал трясти. Прапорщик глупо хихикал, голова моталась из стороны в сторону. Видимо, знатно надегустировался, контролируя качество продукта.

– Это что за хрень тут у тебя, Петя? – орал лейтенант. – Почему у меня с потолка льётся какое-то дерьмо?

– Ну чё ты, чё ты? Нечаянно я. Ик. Ведро браги на пол пролил, когда в цетри... центри... Ик. В машинку заливал! Пы-ы-ыскользнулся.

– Зачем в стиральную машину брагу заливать?! Отстирываешь, что ли? Совсем чокнулся, белочка к тебе пришла?

– Не скажи-и-и, – Вязьмин заговорщически подмигнул. – Хитрость такая – бражку в центр...фуге. Гонять. Ик. Быстро доходит. За три часа!

Прапорщик вдруг оттолкнул Марата, самостоятельно обрёл вертикальное положение и строго сказал:

– Народ, он что? Он ждать не может. Если выпить хочет – так прямо сейчас. А у меня – готово! Ик. Я про народ забочусь, ночей не сплю. Как раб. Ик. На галереях!

– На галерах, – автоматически поправил Тагиров. – Иди, пол в ванной вытирай, чтобы у меня не капало. Или я тебя прямо в твоём полуфабрикате утоплю.

Вязьмин дурашливо отдал честь:

– Так точно, та-ариш лейтенант! Бу сделано!

– Да пошёл ты, придурок!

Марат захлопнул дверь, сбежал по лестнице. Самогоноварение – дело подсудное. Но такие, как Петя, людей на самом деле выручают, в военных гарнизонах – строжайший сухой закон, в магазинах торговля спиртным запрещена. Начальники и прокуроры глядят на эти милые шалости сквозь пальцы, ибо сами «чамбуром» спасаются. А может, и свой интерес имеют – бутылка самого плохого самогона стоит тридцать тугриков, почти червонец на советские деньги, а томатную пасту Вязьмин наверняка ворует, затрат никаких, только копейки на дрожжи. Сумасшедшей прибыльности бизнес!

А вообще противно это всё. У прапорщика солдат погиб, а ему хоть бы хны, самогонку варит. Тьфу!

* * *

Хозяин квартиры в монгольской двухэтажке утихомирил гостя:

– Ладно, чего ты паникуешь? Пока всё тихо. Я бы знал, если разнюхал кто.

Русский уже совсем опьянел, но водка его не успокоила. Наоборот, он уже был на грани истерики:

– Вот именно, что «пока»! А если бы я не успел с этим сержантом... того? Кто же знал, что он, сволочь, прознает. Шантажировать начал, скотина.

Монгол положил руку на погон, успокаивая:

– Всё хорошо ведь кончилось, да? Больше проколов не будет, вот увидишь. Пока не будем торопиться, выждем. Потом, когда успокоится всё, продолжим...

Русский сбросил руку с плеча, закричал, чуть не плача:

– Ни хрена не буду я продолжать! Хватит уже. А если ревизия вдруг внезапная? А? Если вся недостача всплывет – я чего делать буду? Я один не собираюсь чалиться, и тебя заложу, и всех!

Хозяин терпеливо вздохнул. Заговорил тихо, но убедительно:

– Ничего там не всплывет, если с умом сделаем. Может ведь склад и сгореть случайно, так? Да мало ли что может произойти. На вот, выпей лучше, – и протянул стакан.

Гость запрокинул голову, дёргая кадыком. Монгол продолжал вкрадчивым, проникающим в самую душу голосом:

– С оружием повременим. Тут для тебя сюрприз. Партия китайского жемчуга пришла. Тебе очень дёшево отдам. Считай, бесплатно. Скоро совсем богатый станешь, справку себе купишь, из армии комиссуешься. Бабу свою оденешь, как принцессу. Сам заживёшь, как король! Или как кооператор, ха-ха-ха!

Русский кивал, глотая слёзы пополам с водкой.

* * *

Вечером Марат повёз на дежурной машине до железнодоро-

рожной станции «груз двести» – гроб с телом сержанта Ханина. Старшим сопровождения отправили Викулова. В кабине мрачный Серёга молчал, а Тагиров не напрягал разговорами, сочувствуя приятелю.

У перрона остановились. Бойцы, кряхтя, с трудом выволокли тяжеленный деревянный ящик из грузовика, потащили в сторону багажного вагона.

Постояли, покурили. Марат кивнул на огромную упаковку из-под японского магнитофона, стоящую возле Серёгиных ног:

– А это что? Неужели двухкассетником разжился?

Викулов пожал плечами, отвёл взгляд.

– Не, это так. Просто коробка. Тут надо довести, в смысле передать...

Тагиров почувствовал то ли фальшь, то ли смущение в Серёгиных словах, прервал неприятный разговор:

– Ладно, удачно добратся! Держись там.

– Да уж, «держись». – Викулов нахмурился. – Чего я матери его скажу? Эх!

Серёга махнул рукой, привычно ссутулился и пошёл к вагону.

* * *

– От так от, товарищи политработники! Ни черта не соответствуете, так сказать, высокому образу и, как его, идеалу.

Партия, оно что? Оно – ум, честь и совесть нашей эпохи. А у вас ни ума, ни фантазии.

Дундук замолчал, высморкался прямо на пол кабинета, прижав ноздрю толстым пальцем. Сверкнул злобными глазами на полтора десятка сидящих, не шелохнувшись, офицеров, и продолжил:

– Два взводных из автомобильного ремонтного батальона приволокли монгольскую проститутку в общежитие. Это как так понимать, а? Она же – представитель братского социалистического народа. А вы, вместо того чтобы братьев защищать от китайских агрессоров, их имеете! За деньги! Тьфу!

Марат не выдержал и захихикал. Остальные тоже начали прыскать в кулаки. Полковник Сундуков аж захлебнулся от такой наглости, закашлялся. Сплюнул, заорал ещё натужнее:

– Тагиров! Встать! Ты чего ржёшь? У тебя комсорги взводов вешаются в пьяном виде по складам, а ты?! Прокурор его хвалит, ишь! Расследование он провёл. Может, ты подчинённых сам вешаешь, чтобы тебя Пименов похвалил, а? Садись.

Ошарашенный Марат опустился на стул. Замполит продолжил:

– Товарищ контрразведка приходил. Очень сложная ситуация, очень! Монгольские друзья начали подрывную деятельность, всякие демократические организации придумывают. Может, и вооруженное бандитское подполье организуют. Так что бдительность, товарищи! Никаких половых кон-

тактов с местным населением, а только правильные, политические и воспитательные!

Раздался тихий стук, в дверь просунул голову взмыленный посыльный. Подойдя строевым шагом к полковнику, он долго не мог отдышаться, разевая рот и тараща глаза на грозного начальника.

– Ну чего тебе, боец? Чего пыхтишь, забыл, что сказать хотел?

– Товарищ! Полковник! Тама... Кольцо!

– Фуйцо! Ты это, воин, объелся белены? Сталинградская битва, что ли? Какое ещё кольцо?

Солдатик испугался окончательно и забормотал:

– Дежурный послал вас искать... Начальника базы нету, вы – старший. Объявлена операция. «Кольцо».

Сундуков сразу посерьезнел, начал говорить рублеными фразами:

– Так, немедленно в парк, там командиры батальонов, вызовешь в штаб. Дежурному – общее построение базы через пятнадцать минут, прекратить все работы и занятия. Выполняй.

Солдатик выскочил из кабинета как ошпаренный.

* * *

Операция «Кольцо» означает, что где-то кого-то надо окружить, прочесать местность, поймать искомого и предъ-

явить пред ясные очи начальства. А причина поисков бывает самой разной. Может быть, пара запуганных солдатиков первого года службы не выдержала издевательств и сбежала в лес. Или у бойца поехала крыша, он в караульном помещении перестрелял безвинных товарищей и ушел в поля, унося автомат и полный боекомплект. Бывает, просит помощи милиция, когда из зоны уходят в рывок зэки, перебившие конвойных. Всякое бывает.

На втором курсе училища Марату пришлось уже участвовать в подобном, когда из свердловского пехотного полка сбежал с поста воин с калашом и двумя магазинами. Тогда курсанты битых двенадцать часов ползали по кустам и трясинам, разыскивая дезертира. Тагиров на всю жизнь запомнил жуткое чувство холода в кишках, когда в десятке метров хрустнул сучок и потревоженная зверюшка (скорее всего, косуля) рванула через чащу. Потому что автоматы курсантам выдали, а боеприпасы нет. Какой-то высокий начальник решил, что патроны будущим офицерам по такому пустяковому поводу доверять нельзя. И Марат всеми силами давил паническую мысль, что вот сейчас выйдет этот беглец из-за дерева, передёрнет затвор и даст от живота очередь. А потом сменит опустевший магазин и ещё раз даст. И Тагирову останется только умирать вместе с однокашниками, потому что не шишками же в убийцу кидаться...

В дислоцированной на территории МНР 39-й армии дезертиры встречались реже, чем где-либо. Во-первых, все ча-

сти – боевые, развернутые и постоянно то на учениях, то на занятиях. У солдата времени нет о всяких глупостях думать, да и до издевательств над молодыми у «дедушек» руки реже доходят. А, во-вторых, в пустыне особо не разгуляешься. И не спрячешься. У монголов самым строгим образом заведено: увидел в степи чужака – скачи во весь опор в ближайшее отделение милиции, докладывай. Иначе самому тюрьма и баранов в казну заберут. Хотя если дезертир как-то незамеченным доберется до юрты и попросит приютить, то вечный, как пустыня, закон гостеприимства требует от аборигенов его принять, накормить и всячески защищать от врагов и властей.

Об этом и разговаривали Тагиров с Воробьём, мотаясь в кабине «Урала». По команде «Кольцо» группу из сорока бойцов вооружили, экипировали, посадили в два грузовика и отправили маленькой колонной в степь. Дорогу показывал идущий впереди потрёпанный «газик» монгольской милиции.

Десятки машин чойренского гарнизона сейчас также пылили через Гоби, выстраиваясь в гигантскую петлю вокруг предполагаемого места нахождения дичи, подлежащей поимке. Марат чувствовал возбуждение – такое же, наверное, какое испытывали его предки, готовясь к грандиозной ханской охоте.

Воробей тоже улыбался во весь рот и травил бесконечные байки:

– Уже четвертое «Кольцо» за два года. В первый раз мы даже доехать не успели, развернулись с полпути – беглецов в котельной взяли в гарнизоне. Они, оказывается, и не убегали никуда, прямо в части прятались. Вот во второй раз труднее было. Двое суток ползали по степи, зимой, в самую холодрыгу. Солдат ушел с оружием, паника до самого верху. Намерзлись, как цуцыки!

– Нашли?

– А то! Еле-еле. Степь черно-серая вся, без снега, а он в шинели – как разглядишь? Один раз всё до гарнизона прочесали, потом второй. Вот со второго раза только обнаружили.

– А он что, отстреливался?

– Хрен там. Залез в яму какую-то да и замерз насмерть. А мы, как дураки, все ноги оттоптали. У меня два бойца в группе серьезно обморозились, в госпитале потом лежали. Одному все пальцы на ногах ампутировали.

– Трындец, считай, калекой стал из-за уroda. А в третий раз когда?

Воробей засмеялся.

– Ха-ха-ха! Там вообще кино и немцы. Недавно совсем, в июне. Приезжает в гарнизон монгольский милицейский капитан – тот самый, что в «газике» едет, Доржи. И говорит, что араты видели в степи советского офицера, идущего на юг, в сторону Китая. Мол, дайте сопровождающих, чтобы задержать. Ну, проехали семьдесят километров и видят картину: солнце палит, полдень. И посреди пустыни вышагивает

тип в парадной офицерской форме: золотые погоны, медали болтаются, в руке – дипломат. Полный сюрреализм. Наши друг на друга смотрят: вроде с утра не пили, с чего галлюцинации начались? А это оказался начфин пехотного полка. В дипломате – сапожная щетка и журнал «Весёлые картинки». Представляешь себе? Как он без воды столько на жаре отмахал – чёрт его знает. Короче, с ума сошёл. Его вертолётom в Читу. Лечится теперь.

– Ё-моё, а чего это с ним?

– Чего-чего. Тут круглый год одно и то же, служба да бухло. И ветер последние мозги выдувает. Приехали вроде?

Небольшой бивуак состоял из развернутой уже радиостанции и десятка разнокалиберных машин.

Монгольский «газик» остановился, из него вылезли туземец в милицейской форме по имени Доржи и Морозов. Майор махнул рукой. Марат открыл дверцу, выскочил из кабины, хлопнул ладонью по борту:

– К машине! Вылезайте, гвардейцы.

Пока бойцы строились, Тагиров и Воробей подошли к командирам. Разговор явно был непростым, Роман Сергеевич морщил лоб. Ему что-то тихо говорил холёный капитан с красными петлицами, рядом топтался здоровенный дядька в непривычной пятнистой форме без знаков различия. Монгол стоял несколько в стороне, всем своим видом демонстрируя отстранённость.

Воробей дёрнул Марата за рукав и прошептал на ухо:

– Тут серьёзный замут какой-то. Капитана видишь? Гарнизонный особист, Мулин.

– А в камуфляже кто?

– Хрен его знает, вижу в первый раз.

Контрразведчик прервал разговор, спросил у Морозова:

– Ваши? Подойдите сюда, товарищи лейтенанты. Прошу слушать внимательно. Вы поступили в моё распоряжение на время выполнения операции «Кольцо». В этом районе (капитан обвёл рукой горизонт), в квадрате примерно десять на десять километров, обнаружена разведывательно-диверсионная группа противника. Предполагаемый состав – три человека, но они теперь, скорее всего, будут действовать поодиночке. Вооружены. Ваша задача – развернуться цепью и прочесать местность в указанном направлении. При обнаружении следов, непонятных предметов, чего-либо необычного – немедленно останавливаться и вызывать меня. Ясно?

Воробей хмыкнул:

– Вот это да, китайские диверсанты! Это учения?

Капитан побагровел:

– Какие учения, лейтенант! Боевая операция. Майор, что это за клоунов вы привезли? Если бы мне хватило мотострелков и разведчиков, в жизнь бы я не стал рембатовцев привлекать! Интеллигенция, тьфу! Вы боеприпасы хоть не забыли взять? Или с разводными ключами припёрлись?

Лёха растерянно пробормотал:

– Виноват, товарищ капитан. Просто как-то неожиданно.

Вооружение и боеприпасы получены и проверены, конечно. При обнаружении противника умело применим, не сомневайтесь!

Особист схватился за голову. Здоровяк в камуфляже заржал и ядовито заметил:

– Что ты там применишь, шнурок? Ты его обнаружишь сначала. Это же ди-вер-сан-ты, пекинский отряд специального назначения «Волшебный меч Востока». Профессионалы, дурья твоя башка. Ваше дело – внешнее оцепление и поиск следов, а проще говоря, создание массовки. Жёлтые увидят толпу и, может быть, захихают. Непосредственный поиск будут вести мои ребята и разведбат мотострелковой дивизии. Ясно? Сейчас «вертушки» подгребнут, будут шарить местность. А вас упаси Господи встрять.

Марат кашлянул и спросил:

– Ну всё-таки, товарищ... Не вижу вашего воинского звания. Нельзя же исключать, что они на нас выйдут. Как нам своих людей инструктировать?

Здоровяк и не думал представляться. Сплюнул и ответил:

– Лейтенант, если они на вас выйдут, вам только и останется, что «груз двести» оформлять. Теоретически – брать живыми, стрелять по конечностям. Если ты успеешь эти конечности разглядеть, что вряд ли. Пошли, жандарм.

Тип в камуфляже фамильярно обнял особиста за талию и повел в сторону, что-то объясняя. Хмурый Морозов исподлобья посмотрел на лейтенантов:

– Ну, всё понятно? Цепью, интервал десять метров. Бойцов предупредите, чтобы патрон в патронник не досылали и с предохранителя не снимали. А то китайцы китайцами, а меры безопасности никто не отменял. Делите солдат пополам, сейчас радистов получите. И проверьте, чтобы вода в поясных флягах была. Солнце жарит, нам только тепловых ударов не хватало. Связь каждые полчаса. Действуйте.

* * *

Грохочущие вертолёты улетели на заправку, и над степью воцарились обычные звуки – свист ветра да стрекот саранчи. Цепь двигалась не спеша, поднимаясь на невысокие холмы и спускаясь в распадки. Каждый час Марат останавливал людей на перекур и обходил сводный взвод, разговаривал с бойцами. Ничего особенного замечено не было. Впереди, километрах в трёх на север, ревела движком боевая машина пехоты, копошились фигурки – там вели поиск разведчики мотострелковой дивизии.

Первоначальное возбуждение от участия в реальной боевой операции давно прошло, солнце пекло, вода кончалась. И всё уже надоело.

Двухметровый Олег Примачук подождал, пока Тагиров поднимется к нему на сопку.

– Ну чего, лейтенант, как думаешь – долго ещё нам тут бродить?

– Не «лейтенант», а «товарищ лейтенант». И на «вы». Не забывайся, сержант. Бродить будем столько, сколько нужно.

Примачук оскалился.

– Ладно, ладно. Понял, товарищ командир.

– Ещё бы ты не понял. А то не посмотришь, что ты старшина роты и «дембель», огребёшь у меня. Лучше скажи, ты ведь с Ханиным дружил?

– Да. То есть так точно, корешились. Жалко пацана, конечно. Хотя он себе на уме был.

– В смысле?

– Ну... Сам по себе. Особо не откровенничал ни с кем. Знаю, что девчонку очень любил свою, Наташку, из-за которой вроде... – Примачук замолчал, помрачнев.

Тагиров, однако, решил продолжить:

– Скажи, а он стихи писал? И вообще, какой он был?

Сержант вздохнул, пожал плечами.

– Это да, писал. Хорошие стихи, в рифму! Всё мечтал, как на гражданку уедет, женится. В институт хотел поступать. Такой, не сказать, что жадный. Бережливый, всё на дембель копил, подарки хотел купить родокам.

– Что-нибудь было необычное с ним в последнее время? Перед этим... перед гибелью?

Примачук отвёл глаза, забормотал:

– Да ничего такого вроде бы. Говорю же – особо не болтал, всё с письмами Наташкиными носился да на складе торчал безвылазно.

– Ладно. Если вспомнишь – скажи.

Сержант повеселел, разговор явно его тяготил.

– Так точно, товарищ лейтенант. Разрешите в бинокль глянуть?

– На.

Марат передал оптику и начал спускаться по осыпи в пересохшее русло давно умершей речонки. Камешки выскакивали из-под сапог и весело шуршали, наперегонки сбегая вниз. Тагиров покачнулся, поскользнувшись, схватился рукой за валун. И отметил самым краешком глаза какое-то еле уловимое движение. Поднял взгляд.

Пятнистая тень вдруг выросла на полнеба, загородила свет. Удар летел сбоку в голову, Марат рефлексивно отшатнулся, чудом успев вместо виска подставить лоб, повернувшись к нападавшему. В глазах вспыхнуло красным, потом потемнело. Уже теряя сознание, услышал крик Примачука:

– Куда, гад! Не трожь летёху!

И отключился.

Глава третья. И всё терялось в снежной мгле

Ольга Андреевна зябко повела плечами под тонкой шалью. Подошла к окну и потрогала длинными пальцами холодную батарею. За стеклом буйствовал ветер, несясь над землёй бесконечной каруселью крупных белых хлопьев. Опять зима. На бесконечно долгие полгода. Зима...

Вернулась, забралась в кресло с ногами. Прикрыла глаза, чтобы лучше слышать ветер. Тихо прочитала вслух первую строфу:

Мело, мело по всей земле,
Во все пределы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела...

Загрохотал сливной бачок, вода с рёвом устремилась в преисподнюю канализации. Хлопнула дверь туалета. В комнату вплыл Сундуков – сначала пузо, потом всё остальное.

– Чё говоришь? Чё там у тебя сгорело?

Ольга Андреевна вздохнула.

– Это Пастернак, Коленька. Я же тебе давала читать.

– А. Зелёная такая книжица?

Женщина вздохнула снова.

– Нет, не зелёная. Не важно, забудь. Вы там определились с седьмым ноября? Программу утвердили?

– Так я чего? Есть старший по гарнизону, пусть решает. Ведущим концерта Тагирова возьмёшь?

Ольга почувствовала, что краснеет. Ответила почему-то севшим голосом:

– Думаю ещё. Как там у него дела, кстати?

– А чего думать? Много ума не надо – со сцены триндеть, уж на это он способен, молодой. Дела у него – только свист стоит. Деру ж его как сидорова козла, ха-ха-ха!

Сундуков подошёл к шкафу, скрипнул дверцей, оглянулся на жену.

– Хотел тебе на октябрьские праздники подарить, да раз уж зима началась, то тянуть не буду. Держи. Каракуль! Страшно подумать, сколько полковников без папах остались, ха-ха-ха!

Бросил на колени серую шубку. Ольга Андреевна погладила курчавый мех, вслушалась в свои ощущения.

Интересно, у лейтенанта на голове волосы такие же жёсткие? Зажмурилась, отогнала неуместную мысль. Встала с кресла.

– Коленька, ты такой у меня молодец! Спасибо, котик!

– Ой-ой, замяукала.

– Поцелуй меня.

Сундуков засопел, облапил ручищами. Резко ударило запахом чеснока и невымытых подмышек...

Всё-таки очень любопытно. Жёсткие или нет?

* * *

Стремительная монгольская осень внезапно закончилась пургой в конце октября. Марат сидел в канцелярии роты и смотрел в окно, на несущиеся параллельно земле злые снежные хлопья.

Незаметно вошел и рядом присел Воробей.

– Что, Маратка, любишься? Тут снег два раза в году видишь. Завтра всё ветром сдует.

– Жалко. Достало уже, что степь каждый день одна и та же. Ничего не меняется.

– Э-э-э, ты чего? Рановато хандрить начинаешь. Положено через полгода.

– Кем положено?

– Да никем, просто по опыту так... Ты давай, не кисни, службой себя загружай. Тут два варианта – или спиться и свихнуться, или пахать.

– Ты издеваешься, Воробей? В нарядах через два дня на третий, командиром роты молодого пополнения меня Морозов запихал, все выходные тут торчу бессменно... А у меня ведь ещё своя работа имеется. Писанины куча. В два часа ночи закончу – так уже в гарнизон переться пешком смысла нет, час туда – час обратно, а в шесть утра надо на подъеме быть. Сплю в казарме постоянно. Позавчера, представ-

ляешь, пошел все-таки – так дошел до пятиэтажки и залип. Прикинь, забыл, в каком подъезде живу! Слава богу, Петька – сосед – вышел на балкон покурить, так я срисовал, куда идти...

– Ха-ха! Это у тебя небось последствия мозговые начались. После китайского удара.

– Не смешно ни фига, Воробей.

– Ладно, не дуйся. Тебе тушенка не нужна? По дешёвке отдам, пять тугриков за банку.

– Лёха, ты шутишь? Я же всю получку отдал тебе для Вязьмина, чтобы он рапорт на меня за разбитую морду не написал.

– Ну, мало ли. Нужна будет – скажи.

Марат поморщился. Воробей постоянно что-то предлагал купить или продать, а такое поведение не соответствовало понятиям Тагирова об офицерской чести. Хотя юношеские училищные принципы за два месяца службы изрядно потускнели...

В ленинскую комнату заглянул посыльный:

– Лейтенанта Тагирова – к начальнику штаба батальона! Срочно!

* * *

В кресле Морозова сидел холёный капитан, в котором Марат сразу признал гарнизонного особиста Мулина. Лицом ко

входу за столом развалился тот самый здоровенный дядька, который пугал лейтенантов китайскими диверсантами-профессионалами, только в этот раз он был не в летнем камуфляже без знаков различия, а в зимней куртке с майорскими погонами.

Получается, что не зря пугал. Тагиров инстинктивно потрогал лоб, где от здоровенной шишки остался так и не исчезнувший желвак. Роман Сергеевич, стоявший у окна, обернулся на стук в дверь.

– А, Тагиров! Входи. Оставляю тебя с товарищами офицерами, общайтесь. Я в ремзону.

Взял со стола свою шапку и поспешно вышел из кабинета. На лице угадывалось облегчение, компания гостей ему явно не нравилась.

Капитан откинулся в кресле, глянул на Марата. Жестом махнул на стул:

– Садись, лейтенант. Познакомься.

Бугай привстал, протянул широкую и шершавую, как чугунная сковородка, лапищу:

– Майор Деряба, Сайн-Шандинская рота спецназа ГРУ. Ну чего, герой, башка-то не болит?

Марат опять потрогал желвак. Значит, этот здоровяк – разведчик. Хотя и так понятно было.

– Лейтенант Тагиров. Спасибо за заботу, товарищ майор. Чему там болеть? Кость.

– Ха-ха-ха! Молодец, правильно. Советскому офицеру

лоб и прямым попаданием снаряда не пробить, куда там китайцу хилыми ручонками. Наш человек, летёха!

Уполномоченный Особого отдела кашлянул, нахмурил брови.

– Ладно, Деряба, отдельно благодарность потом объявишь. Если будет за что. Тагиров, вы давали подписку о неразглашении, почему в вашем батальоне об операции по задержанию диверсантов все знают? Да чего батальон! Гарнизон поголовно осведомлён, по-моему.

Марат вспыхнул. Вот уж трепачом его зря пытаются обозвать!

– Так, товарищ капитан, там же сколько народу было... Только наших – сорок бойцов и два офицера кроме меня. Честное слово, я когда через неделю из госпиталя вышел – все уже в курсе были.

Капитан, видимо, посчитав, что внушения сказал достаточно, сменил тон:

– Ладно, лейтенант, верю. Действительно, свидетелей хватало, да и болтунов у нас – каждый второй, если не первый. Просто у нас тут некие неприятности, есть информация об активизации китайской агентуры в Чойренском аймаке, начальство всю печёнку проело насчёт усиления бдительности. Претензий нет к тебе. Просьба есть. Надо бы рапорт переписать.

– Как, опять?! Я же у вас тогда полдня просидел в особом отделе, три раза переписывал!

– Обстоятельства изменились. Деряба, поясни.

Спецназовец нагнулся к Марату, доверительно понизил голос:

– Тут такая штука, лейтенант. Мы, прямо скажем, слегка обгадились с этими китайцами. Должны были всех троих живыми брать, понимаешь? А получилось, что того, которого ты спугнул, подстрелили, когда он от тебя прямо на наш патруль выскочил. Но в том и беда, что подстрелили неудачно, артерию пуля перебила. Сдох быстро от кровопотери, не успели жгут наложить. После этого через полчаса второго китаёзу мои ребята обнаружили, погнали, а он застрелиться успел. Вот такие дела.

– А с третьим что?

– Кхм. Не нашли мы третьего. Фиг его знает – то ли просочился через оцепление, то ли его вообще не было. Их же сначала монгольские пастухи засекли, они и сообщили в свою милицию, что в степи трое бродят. Другой информации нет. А теперь не разберёшь, как оно на самом деле было: может, аратам голову солнце напекло, а может, они плохо умеют считать.

– Ну, хорошо. От меня-то чего вам надо, товарищ майор?

Деряба глянул на особиста. Тот важно кивнул головой, соглашаясь.

– Надо, брат, чтобы ты в рапорте написал, будто в момент, когда китаец тебе по кумполу врезал, офицер нашей роты недалеко был. Тогда мы это дело обрисуем так: на тебя напа-

ли, угрожали жизни, и нашему спецназовцу было не до «чистого» задержания, он выстрелил, спасая лейтенанта Тагирова. Понятно?

Марат пожал плечами:

– Не вижу проблемы. Мне-то какая разница?

– Вот именно! Тебе без разницы, а меня выручишь. Московским начальникам-то по фиг, что мы под пули идём, им главное – повод найти и поймать по полной программе. Они там по кабинетам коньяк жрут, а мы в поле головы свои подставляем. Сволочи...

Капитан-особист перебил:

– Ты полегче, Деряба. Про начальников лишнего не надо.

– Ладно-ладно, погорячился. Виноват.

Капитан поднялся с морозовского кресла, достал из-под стола пижонский кожаный портфель, щёлкнул замочком, достал рапорт Тагирова. Марат усмехнулся про себя: ему бы в голову не пришло щеголять по батальону с портфельчиком, обходился офицерской сумкой-планшетом.

– Вот этот лист перепиши.

Под диктовку особиста процесс прошёл быстро. Капитан упрятал листы обратно. Подмигнул:

– Ну, вот и управились. Молодец, лейтенант. Глядишь, и мы добром ответим.

– Да я всегда помочь готов, – ответил Тагиров.

– И это правильно. С нами лучше дружить, чем наоборот. Доставай, Богдан, я дверь запру.

Пока контрразведчик возился с замком, Деряба вынимал из боковых и внутренних карманов булькающую солдатскую фляжку, складные стаканчики, сверток с нарезанным хлебом, плоские банки консервов... Марат только головой покачал:

– Богато подготовились!

– А то, брат! Мы, спецназ, всё своё с собой носим. Ну, вздрогнули!

* * *

Особист выпил чисто символически и с серьёзным лицом ушёл по каким-то своим тайным делам. А Богдан Деряба оказался классным мужиком и отличным рассказчиком и почти не кичился своим «спецназначением». Хотя и не отказывался от возможности подколоть «армейских», к которым майор относил всех, имеющих несчастье не принадлежать к войскам Главного разведывательного управления.

Фляжка с «шилом» уже подходила к концу, а майорские байки всё не иссякали. Марат набрался смелости и перебил всё-таки рассказ Дерябы о том, как он ещё лейтенантом прыгал с парашютом на лес, повис на высоченной сосне и битый час не мог выпутаться из положения:

– Стропы-то резать страшно – грохнусь, костей не соберу. А вот потом сообразил, начал потихоньку раскачиваться...

– Товарищ майор, объясните мне, пожалуйста, а откуда в

степи китайцы взялись? До монгольско-китайской границы триста километров с лишним. Да и не в этом дело – войны же с ними нет? Если бы вы их поймали – это же был бы международный скандал! Или нет? Не понимаю я.

Деряба снисходительно поглядел на Тагирова:

– Эх ты, армейский. Это мы с тобой знаем, что они маоисты поганые. Но ведь у них документов нет, и на лбу ничего такого не написано. Если и удастся их поймать и за яйца подвесить, то говорить они будут на родном языке – то есть по-монгольски. Знаешь, сколько их в китайской провинции Внутренняя Монголия живёт? Э-э-э, брат! Больше, чем в МНР. Да и не будет никто скандалов раздувать. Они сюда ходят, так, думаешь, мы к ним не ходим?

– Вот блин! А зачем? – удивился Марат.

– Затем! Вам, армейским, не понять, – важно заявил Деряба.

Марат обиженно насупился. Конечно, у разведчиков жизнь намного интереснее, чем у заурядного летёхи из обыкновенного рембата. И берут туда только таких вот здоровяков-суперменов, как Богдан Деряба...

Майор подмигнул и покровительственно похлопал Тагирова по плечу:

– Ладно, не дуйся. Просто, как бы это объяснить... Мы спецназ, понимаешь? Занимаемся разведывательно-диверсионной работой. Это для вас, армейских, флотских – да хотя бы и гражданских! – война начинается с передовицы в га-

зете. Или с выступления по радио главы правительства. А мы всегда на войне – даже если кажется, что мир кругом, понимаешь? На то и операции у нас такие, особые. Не для разглашения. Вот эти китаёзы, например, выполняли учебно-боевую задачу: маршрут проникновения на территорию Монголии отрабатывали, предположим. Или закладку чего-нибудь нужного делали на будущее. Всякие бывают цели. Может, зачёт таким образом сдавали в своей разведшколе. Пешочком по ночам шли, днём прятались. Километров по семьдесят в сутки.

– Ух ты! Никогда бы не подумал, – поразился Тагиров.

– А ты и не должен ничего такого ни думать, ни знать. Я и так с тобой слишком откровенен. Надеюсь, трепаться не будешь ни с кем о нашем разговоре?

– Да что вы, товарищ майор! А вот ещё... Вы же с особистом дружите вроде. А мне говорили, что между вашими службами отношения не самые лучшие, так скажем. Да вы и из разных гарнизонов. Необычно, – заметил Тагиров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.